

СМЕНА

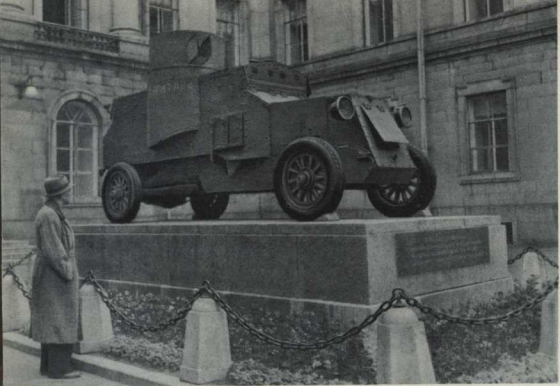
В. Ленин

8

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ГОРОДЕ ЛЕНИНА

Ленинград
Все мило, близко и дорого сердцу в этом городе, где пронеслись первые революционные ветры.

Город Ленина советский народ с гордостью называет колыбелью революции. Здесь великий Ленин заложил основы первого в мире советского социалистического государства. Отсюда на весь мир прозвучали первые ленинские декреты о земле и мире.

Много в этом городе исторических мест, связанных с именем Ленина.

Недалеко от Витебского вокзала находится переулок Ильича. Здесь, в доме № 47, жил Ильич во время первого приезда в Петербург. Отсюда он ходил на фабрику и заводы читать лекции в марксистских кружках, объединил их в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

На бывшей Широкой, ныне улицы Ленина, в доме № 48, поселился Ильич после возвращения из эмиграции и жил до июльских дней 1917 года.

В доме № 17/а на 10-й Советской улице Владимир Ильич после ирских событий скрывался от ищущего временного правительства.

Возвратившись по решению ЦК партии в октябре 1917 года в Петроград, Ленин поселился в доме № 132 по Садовой-Болотной улице. Отсюда юрчиной революции руководил подготовкой и вооруженному восстанию. Отсюда вечером 24 октября (7 ноября) он отправил в Смольный, где находился штаб восстания, свое историческое «Письмо членам ЦК».

В то время, когда решалась судьба революции, Ленин подвизывался почти двое суток. В ночь с 7 на 8 ноября он отправился на Херсонскую улицу отдохнуть в квартире одного из партийных работников. Здесь он проводил по нескольким часам с 8 по 15 ноября, пока ему не отвели комнату в Смольном.

Квартиры, где жил и трудился Ленин, превращены в мемориальные музеи. Эти исторические ленинские места привлекают сотни тысяч посетителей, которым дорога каждая деталь жизни великого вождя, жизни, представляющей беспримерный в истории подвиг служения народу, борьбы за его счастье.

Широкую тропу пролегли народ, и историческим ленинским местам. Не зарастет никогда эта тропа, ибо бессмертны идеи Ленина, преобразующие мир. Они живут в делах народа, поднимают и вдохновляют, удесятеривают силы строительной коммуны.

На снимках:

1. Броненщик, с башни которого выступил 3180 человек 1917 года на площади Финляндского вокзала вернувшийся в революционный Петроград после долгих лет эмиграции Владимир Ильич Ленин. Как священная реликвия этот броненщик стоит сейчас у входа в Ленинградский Финансовый Музей В. И. Ленина. На башне броненщика до сих пор не стерлась надпись «Враг капитала» — имя, которое дали революционные солдаты боевой машине.

2. Шахлы на берегу озера Разлив, где скрывался Владимир Ильич от преследований ищущего временного правительства.

3. Здание Песочко-Удальнинской районной думы (Болотная ул., д. № 13), в котором 16 октября 1917 года проходило расширенное заседание ЦК партии по вопросу о вооруженном восстании.

4. Одна из комнат в квартире № 24 по Широкой улице, д. № 48, где жил Владимир Ильич после возвращения из эмиграции.

Фото Я. Халипа.

На первой странице обложки: портрет В. И. Ленина работы художника П. Васильева. На четвертой странице обложки: «Последний снег». Фотохудожник Г. Ворлицова.

Иван КУЧИН

МЫ — ЛЕНИНЦЫ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Друг мой,
товарищ,
ровесник!
Руку дай.
Мне с тобой хорошо
и трудом пробиваться
в любую даль.
Нам обязательно
встретиться надо.
Неважно, где.
А может, сейчас ты рядом,
штурмуешь завтрашний день?
Ночь
просторы окутать
старается в легкую дымку.
Выйдем, побордим,
как будто
наша судьба и радость —
в обнимку.
Я хочу, чтоб в моих глазах
ты увидела себя,
как я в твоих.

Чтб мог тебе рассказать
о тебе о самом
мой стих.
О нашем с тобой поколении...
Видишь:
большая дорога стелется.
Мы начали жизнь с тобой
без Ленина,
но выросли ленинцами.

КОЛХОЗ «ПУТЬ ИЛЬИЧА»

Мне было шесть, а может, семь...
Я это
помню отлично.
В деревне
«колхоз» —
«единоличник».
На выгоне — сход.
Шумит народ.

Иду,
в толпе утопая.
Отец —
и откуда слова берет? —
стоит у стола, выстужает:
— Коля хлеб мы хотим собирать,
а не алко,—
врозь не под силу
на наших калчак-то.
Поэтому только один выход:
артель сколачивать!

Гудела прибоим и вновь потухла
шум площади агтеи.
Уже возвестил

первый крик петуха
ночи
час

посаединй.
Ажикась одно за другим заявления.
— Секретарь,
записывай в блокноте своем:
— Артель нашу
в память товарища Ленина
его именем назовем.
— Верно!
— В семнадцатом было трудней...
— Конечно, выдохим,
если с тоаком.

Сорок хозяйств,
двадцать пять лошадей
да сбх

рассохншихся
столько ж.
...Еще раздумываа середняк,
враги обрез доставали ноцями,
а эти сорок,
набек сроднясь,
большой семьи положили начало.

ВСЕГДА ГОТОВ!

Многие дни еще пройдут,
но будет в памяти
вновь возникать

Приветствия всех стран, созданные!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 8. 1955 год.

Год
издания
32-й.

этой, вызолочен и продут
сентябрьскими звонкими сквозняками...
Сильней, чем небо, речушка у школы.
Десьть шагов, а мне — Воляю ширится,
и солнце шажет со мной веселое,
горит в пузырьке-черникалице.
Наморщил лоб в напряженной думе,
стараясь, и первая строчка встает:
«Ленин умер, но дело его живет».
А он — одобрительно со стены,
в знакомом прищуре глаз лучится:
— Все у вас есть, и вы должны
учиться, учиться, учиться!

Я знаю: ведаи на борьбу народ,
во всем с народом советуясь,
он видеа на много лет вперед
радость моей вот эту.
И чтоб это счастье не знало предела,
прошеа, осветив дами веков.

— Что мы не успели, —
вам доделывать,
вняя смена большевиков...

Друзья, ровесники мои, погодки!
В какое время мы росали!
Шагом изтуженным, бойдрой походкой
весны и зимы шали.
Мы ноги босые мыли в росах.
По грибам жодии — обпаривать пши,
а над миром солнечной росестью
Днепрогэса вставали огни.

Триктор в колхозе первый,
стень будиа стальным напевом.
Сейчас мы целину поднимаем,
а в те годы распахивались последние
тропинки тысячелетние,
по которым нуджа приходиа в дома.
И пусть по-ребяти, по-своему
мы идеали нашу страну,
главное — сердце было настроено
на нужную волну.
И шаг мой пионерия в путь,
в гущу кипучих годов.
Родина нам говорила: — Будь!
И в ответ миллионы: — Готов!

ПАСПОРТ ЮНОСТИ

Рождаются дни в светлых лучах,
радостью урожайные.
В своей артели «Путь Ильича»
отец-старика уважасьям.

Артели от роду нет десяти.
Растем. Поднимаемся. Строим.
И пусть, что ни год, все больше седина,
но старости меньше втрое.
Прощай времена, чтоб ити газет
на трактор или комбайны.
В читальне сидишь над кипой газет,
и юность — тебе компания.

Газета! Верно говорят:
читаешь, праздник праздуя.
Она как будто заря
хоть каждый день, а разная.
Портрет во все столбцы.
Гладяишь спокойней всех спокойных.
— Моложе выше. Ты ли? Ишь:
«В районе лучший конюх...»
Ты дожиа, отец, до седых волос,
простой человек, но скажи, не прав ли я:
когда о себе говорить довелось,
я начал с твоей биографии.

Вокруг друзей, а я не найду
нужных слов никак.
— Родился в двадцать четвертом году...
в семье крестьянина-бедняка.

Я не умею, не передам
волнения того, когда в комнате казенной
над партами рук гряда
взмелтуался по рядам:
— Единогласно!

Отен! Ты мне радость поведала сюю,
а я — свою (домается голос):
— Сегодня... принит в семью
Ленинского комсомола!

Ты дошла она, в полный рост,
юность труда и борьбы.
И уже всерьез
вставаа вопрос:
кем быть?

Однажды... забла, какого числа,
в холодный январь сорок первого...
ночью такая поронца легла,
запудриаа каждое дерево.
Варговое солнце, дымясь, вставало
за лесом ближним.
Однокассница ела за мной успеваа —
алжки в алжке.
Птицей над спуском страшным —
и уже в лесу.
Снег по лицу,
ветви секут.
Ты догнаа

и, дразня, спрашивасьям:
— Ну, сколько выиграл секунд?
И вдруг так же заорно
(в семидеиадть лет, истати):
— Кончим школу, в какие стороны
разлетимся, мечтаель?

А вокруг в серебре такие елки —
позывають новогоние.
Каждый шорох — по лесу эхом доагим.
— Кем буду? — Что задумчив сегодня?..
— В университет. Геологом.
Знаешь, где-нибудь на Урале
отыскивать минералы.
— А стихи?

Я смутился: — Так, между делом.
— А я мечтаю вот о чем:
очень в медицинский хотеаа б.
И обязательно — детским врачом.
Куда-нибудь в дальнее-дальнее место.
И வருт старых друзей встретимся!..
И я почувствоваа: прошло детство.
Взрослеа уже, не дети.
И исторженность какая-то исчезаа.
Будто минуаа тропинку скоалящую.
— Значит, лет через шесть, на Урале?
— Честное комсомольское! Честное?

Давно тот пушистый снег растаяа.
Десять раз в том лесу расплетали цуныя.
Но жива, как сейчас, эта катяа простая,
полуаудескиа эти мечты.
Мы могли беспримытно смеяться
в семидиадть.
Но у сердца — книжечка всем знакомого цува
с дорогим шуаутом.
Путевка в жизнь, паспорт юности.
Нам с партией дорога одна.
Это счастье — знаменем честь свою несши,
комсомольского имени не заплятаи!

ЗНАМЯ НАШИХ ПОБЕД

Нас время испытываао железом,
огнем прокаляао, прошедших поласвета.
Многое видеа, но навек врезалось
вот это:

Сорок второй, Декабрь на Дону.
Гудеа земля, дрожа,
понтонс рабытые шай ко дну,
но нас не удержат.
Схолу взята переправа,
и мы укреплялись на правом.
Утро или вечер, кто его знает,
дым и туман везде...

А после боя
гвардейское знамя
мы принимали здесь.
Считая приказ командир дивизии,
чьи-то полотищие поцеловав,
а мы поворачали
каюту жизни —
железной присяги слова.
Смотря присягою со знаменем
Ленин —
велик,
суров,
прост.
Застыл солдатик
пред ним на коленях,
чтоб в бой
пойти
во весь рост.

УЧУСЬ ЛЕНИНИЗМУ

Счастье!
Дороже нет в жизни даров.
Я, трижды израненный бывший
жизн сержант,
и душою здорово!
Столам насмерть,
ходила в атаку,
чтоб сплюкен был
закат седых,
чтоб так же по уграм
ребятишек батаги
буржакан школы и детсады.
За ора, чтоб каждый
и в личном своем
дуга, как жизнь
сделать нище и краше,
за расцвет всего,
что кратко зовем:
на ш е.

...От обещания до инстинкта
два квартала, пять минут,
но моя дорога
этими минутами
пролегла чрез войну.
Там я закачивала свой десятый,
Но класс —
дивизии громадине.
И были моию адетством
приказы Верховного
Главнокомандующего.

А тут — профессора ровный голос,
аудиторий торжественная тишина.
И вспоминалась
школа.
Весна моя... Первая самая,
свետлая самая,
далекая моя весна.
И время берет меня в оборот:
наверстыя, не ленится!
И озаряет пути вперед
пуля наук — Ленинизма.
Ленинцам выдерженные года —
веки моей судьбы.
Нам не придется уже гадать:
быть или не быть!
Растем неуловимо и постепенно,
как на стройке растут
этажи домов,
и я подползаю,
как по ступеням,
по стопам
прочитанных мною томов.
г. Тамбов.

СВЕТ ВЕЛИКИХ ДНЕЙ

Всюду, где случается побывать советскому человеку, встречает он великую любовь трудящихся к Ленину — бессмертному вождю всего прогрессивного человечества. Люди бережно хранят в своих сердцах светлый образ любимого Ильича.

На этой странице журнала мы помещаем простые истории, рассказанные советскими моряками.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Мне много раз приходилось быть в дальних плаваниях. Где б ни очутился я — в странах Европы, Азии или Африки, — всюду простые люди по-своему выражали чувства, которые говорили о том, как близок и дорог им великий Ленин.

...В порту Коломбо мы встретили на улице совсем юную слепую девушку. Она пела песни, которые слгала сама. Порывшись с ней, прохожие замедляли шаг, многие останавливались и чутко прислушивались к пению. Переводчик было перевел нам одну из песен. Девушка пела о том, что когда-то, давным-давно, над миром было темные, непроглядные тучи и солнце никогда не светило бедным людям. Звоня проливалась слезами, потом и кровью бедников. И вот повисла великой и мудрой улыбкой — Ленин. Он завет для всех бедных солнце свободы, радости и счастья.

— Хоть я и слепая, — пела девушка, — но я вижу лучи этого солнца, они согревают меня, помогают жить. Великая слава Ленину, которому небо дало бессмертие, как и солнцу.

...В конце 1954 года наш пароход «Брест» стоял в порту Антверпен. Экипаж судна изъявил желание посетить картинную галерею. Мы долго бродили по большим залам, восхищаясь великолепными полотнами фламандской живописи. В одном из залов к нам подошла пожилая, скромно одетая женщина.

Узнав, что мы советские моряки, она оживилась. С гордостью показала лучшие картины. Женщина показывала нам лучшие картины. Когда мы прочли, она с грустью сказала:

— Богатства здесь больше. Да вот жал, что наши власти не купили для галереи ленинского портрета. А Ленин оменя дорог нам людям.

...В Порт-Саиде к нам на борту поднялось несколько египтян — бойца и швартовщики. Они с интересом осматривали помещение нашего судна. Им нравилась все: и чистота кубрика, и оборудованная каюта, и блиск рабочей каюты. Наконец, мы пригласили гостей в красный уголок. Войдя, они хотели сесть на диван. Но в это время один из швартовщиков воскликнул:

— Все обмурены. Худой, изможденный египтянин указывая рукой на ленинский портрет. Как по команде, гости обнажили головы.

Когда помылся спуска египтяне переставали лежачие на свои журналы, они обнаруживали в их портреты Ленина. Наши гости попросили у нас эти журналы. Мы поучествовали, как дарю для них этот скромный подарок.

...В порту Аден мы видели грузинско-армянские, которые выполняли вручную самую тяжелую физическую работу. Проработав целый день под палящим солнцем, грузчики к ночи валились с ног от усталости и голода.

Однажды в помощь наш радист настроился на московскую волну. Над портом Аден — позымные Москвы, бой кремлевских курентов. Вдохновенно и призывно звучал Гимн Советского Союза. Арабы-грузинки, сидевшие на пирсе, вдруг припались на ноги и вздрагивали свои слыши. Один из них, по виду совсем большой, низкий, хриплым голосом произнес: — Рашен... Моску... Ленин!

По его морщинистым щекам текли слезы. Он был старик в своем тридцать пять лет...

Б. ДРАЧЕВ,
капитан морского флота II ранга.

ДВА ПОРТРЕТА

Это было в Чехословакии в мае 1945 года. Наши танковые колонны двигались вдоль берега реки Берунки, прильбки к небольшой деревушке, крыши которой уже виднелись впереди. Вскоре мы увидели на

окраине селения крестьян, вышедших встретить нас. Женщины не скрывали своих радостей, мужички приветливо махали руками, а ребята, как водится в таких случаях, вертелись под ногами и кричали громче всех.

Жители интересной приглашали нас в гости. Помнящая женщина пригласила меня и еще двух офицеров на ночлег в свою хату.

В одной из комнат мы увидели лежащего на деревянной кровати бледного мальчугана лет десяти. Его глаза светились какой-то особой радостью.

Немного позже хозяйка дома повела нас печальную и до глубины души трогательную судьбу этого мальчишка. Звали его Яном, у него были простреляны обе ноги. А произошло это так: Отец Яна был командиром небольшой партизанского отряда, действовавшего неподалеку от деревни, в Богемских горах. Гитлеровцы выследили отряд, и нам удалось схватить командира и еще двух партизан. Их ввели по деревне в плен.

Ян с былинным сердцем смотрел, как все ближе подходил его отец. Когда партизан были совсем рядом, отец Яна вдруг переборсил через головы людей небольшой свертком. Мальчик, не раздумывая, бросился к нему. Он уже успел схватить свертком, но раздалась автоматная очередь, и Ян упал, как подкошенный. К нему с криком подбежала сестра, но тут же рухнула, сраженная пулей.

Сверток, брошенный партизаном, все же успел подействовать на Яна и его мать. Это было тщательно завернутый овалный портрет Ленина... Плотная стена народа закрыла женщину от фашистов, и они не посмели стрелять.

Наутро, когда мы прощались с Яном, он серьезно, как взрослый, сказал:

— Я хотел бы увидеть Маэлози Великого. Когда вы будете там, вспомите обо мне.

Зимой 1953 года с несколькими товарищами я ехал на машине из Дальнего в Порт-Артур.

В стороне от зимней пустынной дороги мы увидели сквозь снежную пелену одиноко стоявший дом. Были шиферная крыша и низинная и поставил машину с поветерной стороны. Заводя гул мотора, навстречу нам вышел молодой китаец.

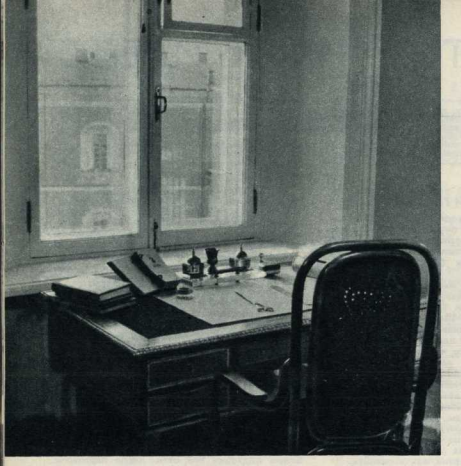
Узнав, что мы русские, он радужно пригласил нас к себе. В жилище было чисто, тепло и уютно. Поев, что нам предложили в глаза, это портрет Владимира Ильича Ленина в красивой рамке под стеклом. Он был на самом видном месте.

Завязалась беседа. Хозяин дома, хорошо говоривший по-русски, рассказал нам историю портрета. Отец китаец долгое время жил в России и был участником Великой Октябрьской революции. Ему повсчастливилось несколько раз слышать выступления Ленина. Однажды он даже разговаривал с Лениным.

Наш хозяин рассказал, что когда отец его вернулся на родину, он привез с собой портрет Владимира Ильича. В трудную пору коммунистического режима портрет приходилось прятать от чужих глаз. В течение многих лет семья Баргата свою реликвию, Умирая, отец завещал хранить, как зеницу ока, портрет Ильича, передавать его на вечное хранение детям, внукам и правнукам.

Слушая рассказ нашего китайского товарища, были годы так, что народу Китая, и всем честным людям нашей планеты, дорог и памятен вечно живой и бессмертный Владимир Ильич Ленин.

Г. БАКИН,
капитан морского флота III ранга.

Комната В. И. Ленина.

В КРЕМЛЕ, ГДЕ РАБОТАЛ И ЖИЛ В. И. ЛЕНИН

Нет ничего прекраснее памяти народной. Проходит годы, десятилетия, но вечно живой стоит перед нами образ простого и великого сына земли, отца и дяди нашего—Владимира Ильича Ленина.

Сегодня праздник на наших улицах и в наших сердцах. Всей советской семьей отмечаем мы восьмидесятилетие со дня рождения Ильича.

В этот день взором советских людей обращаются к Кремлю, где жил и работал Владимир Ильич, где

—каждая башина
Ленина слышала,
За ним
пошла бы
в огонь и в дым.

...По широкой лестнице в здание Совета Министров поднимаемся на третий этаж. Взаимозвонные и притяжные, выделенные ступени по ковровой дорожке, чтобы не нарушить царящей здесь торжественной тишины.

Длинный коридор, напольный коридор Смольного. Тридцать два года тому назад, 19 октября, в последний раз здесь были слышны торжественные ленинские шаги. Владимир Ильич приезжал из Горьк, заходил в свой кабинет, в зал заседаний Совнаркома.

Мы останавливаемся перед дверью и через минуту сразу оказываемся в кабинете Ленина. Это так неожиданно! Кажется, что надо было пройти еще на-

ую-нибудь комнату... А тут—из коридора и прямо в кабинет.

Сильно чувство поднимается в душе! Здесь более четырех лет—с 12 марта 1918 года по 12 декабря 1922 года—работал Ленин. Кабинет сохранился в том виде, в каком великий труженник оставил его в последний день работы. Не очень большая, почти квадратная комната полна света. Много книг. На стенах—географические карты и карты путей сообщения страны. У дверей свертывающаяся при помощи специальной рукоятки огромная карта мира с пометками, сделанными рукой Владимира Ильича.

Она выходит на бывшую Семеновскую площадь. Из кабинета видны Триумфальные ворота, здание арсенала, построенного еще при Петре, ряды трофейных пушек времен Отечественной войны 1812 года. Вдаль отчетливо вырисовывается высотное здание на Семеновской площади.

В кабинете нет ничего лишнего. Но зато есть все, что необходимо для работы. Посреди комнаты—письменный стол, покрытый красной клеенкой; слева и справа—вращающиеся этажерки со справочными материалами. На столе чернильный прибор, телефоны, перламутровый помпечек для разрезания книг, ножницы, которыми Ильич пользовался для вскрытия конвертов с пометкой «Лично. Никому другому не вскрывать». Здесь же стоит баночка с клеем. Особо секретные письма Ленин записывал сам. Рядом с настольной лампой—свечи, на случай, если погаснет электричество.

Взгляд задерживается на пальме, которая стоит близ письменного стола Ленина. Владимир Ильич любил сам ухаживать за пальмой.

Как выросла она! Чуть-то заболит рука внезапною поливает ее; вечно зеленые листья грациозно дергаются на крепком, здоровом стволе.

Глядя на пальму, мы переносим мысленным взором к необитаемым широтам нашей Родины. Выросла за минушие тридцать с лишним лет не только эта пальма в кремлевском кабинете Ленина, и вся наша Родина, замечательно вырос наш народ, который под великим, всеполюбящим знаменем ленинизма строит коммунистическое общество.

В шести шкафах, стоящих в кабинете Ленина,—около двух тысяч страниц книг: энциклопедические словари, сочинения Маркса и Энгельса, политическая литература на русском и иностранном языках... Два шкафа отведены под художественную литературу. В кабинете мы видим сочинения Ахисанова и Гоголя, Горькова и Пушкина, Грибоедова и Толстого, Достоевского, Жюльовского, Чернышевского и Герцена, Некрасова и Чехова, Горького и Алексея Толстого и многих других художественных слов. Книжки аккуратно подобраны, рядом с сочинениями писателей—критические труды о них.

С третлетью берега мы в руки книги, которые читал Ленин. Кажется, видишь сейчас, как всякий голубоватый томик сочинений Некрасова, быстро перелистали и, выписав строки:

Ты и угобал, ты и обильная,
Ты и вогучая, ты и бессильная
Матушка Русь!

...Статья написана на второй день после перевеза Советского правительства из Петрограда в Москву—11 марта 1918 года. Это был год великих испытаний для нашей Родины, томья, что под-писан «обервоно тумельный, бесконечно унизительный мир» с Германией. Ленин откровенно говорил о трудностях, но в какой строной его статьи чувствуется

уверенность в торжестве начатого дела. Он призывал народ не поддаваться унынию, не полагать рук трудиться, крепить оборону Отечества, «собирать наемь за будущую прочиную Фундамент социалистического общества». И, как бы в ответ на слова Некрасова, Ильич с величайшей убежденностью писал: «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческого сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,—чтобы создать действительную могучую и обильную Русь».

Государственная и партийная деятельность великого вождя и мыслителя вызвала восхищение его гением и необыкновенным трудолюбием. Свем томом Сочинений Ленина—с 27 тома по 34—написаны Владимиром Ильичем за четыре с лишним года работы в кремлевском кабинете. Среди лонных ленинских простоты и прозрачности писем, докладов, статей, составивших этн тома,—такие выдающиеся произведения творческого марксизма, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детские болезни» «Ленинизм в коммунизме», «О продовольственном налоге», «Великий почин».

Здесь же написан и изумительный труд «Обчерные задачи Советской власти», в котором Ленин дал грандиозный концептуальный план приступа к социалистическому строительству.

«Мы Россия отво в а з а л и—у богатых для бедных, а эксплуататоров для трудящихся,—писал Владимир Ильич.—Мы должны теперь Россией у г а в а л и т в а».

Из кремлевского кабинета вождь революции осуществлял руководство страной, ставил перед различными фронтами, упрелял братский союз рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Здесь совещался он со своими соратниками, вел сердечные беседы с рабочими, крестьянами, солдатами. Сюда приходили делегаты, выдающиеся деятели международного рабочего движения.

Как велик был этот процесс, как поспешно, на атаерние мы видим «Болгаро-французский и французско-болгарский словарь» —под пером Г. Димитрова. Надпись, сделанная на болгарском языке, гласит: «Нашему любимому учителю и наземному вождю Всемирной пролетарской революции тов. Ленину» от ЦК БК Партии. За ЦК Г. Димитров. Москва, 5/III—1921 г.»

Скромные подарки Владимиру Ильичу от трудящихся отрягают гениальность и социальную индустрию. На атаерние—небольшой обелес, отлитый в первой половине чугун Гурьевым. У о н а—модель, символизирующая электрификацию. Всю страну обестлели тогда тысячи слона Ленина: «Коммунизм—это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Место, выделенное для него, занимает 15 минут часа в кабинете Ильича. Здесь раз ониниваем взглядом ленинский кабинет и через зал заседаний Совета Народных Комиссаров направляемся к изданию Владимира Ильича. В зале заседаний обращает внимание плетеное кресло (такое же, как в кабинете), помещенное под статуей ленинского кабинета. Надпись: «Кресло, в котором сидел В. И. Ленин во время заседания СНК ЦТО и Политбюро с 1918 по июнь 1922 г.»

Входя в квартиру Владимира Ильича. Все здесь говорит о скромности, нет ничего такого, что бросалось бы в глаза своей исключительностью. Надпись в кабинете, много книг. Книги мы увидели еще в коридоре, едва переступив порог.

А вот и библиотека семьи Ульяновых. В больших шкафах

Кабинет В. И. Ленина в Кремле.

около двадцати тысяч томов по всем отраслям знаний: философия, история, народному образованию, педагогика, экономика... В специальном разделе собраны книги о ноябрьском перевороте. Большое место в библиотеке отведено художественной литературе. В отдельном шкафу книги, подаренные Владимиру Ильичу.

Из библиотеки, вновь пройдя через прихожую, мимо дорожных чемоданов, вешалки, на которой висит трость Владимира Ильича и зонтик Надежды Константиновны, напрашивается на кухню. Дровяная плита, куб для кипячения воды, минерализованный самовар с подносом, шкаф с посудой... У окна — стол, покрытый клееной, за которым нередко семья Ульяновых обедала.

Квартира Ульяновых состоит из четырех комнат. Первая из них — Надежды Константиновны. Комната Надежды Константиновны обставлена просто. Заполняется шкаф с книгами Владимира Ильича. Почти на каждой странице пометки, сделанные рукой Надежды Константиновны, бумажные закладки. Все говорит о напряженной труде друга и помощника Владимира Ильича.

С волнением входим в комнату Ильича. Все так же ленинская простота и скромность! Комната светлая, совсем небольшая. Возле единственного окна — письменный стол. Справа у стены — минерализованная кровать, слева — диван. Над кроватью большая фотография Владимира Ильича и Надежды Константиновны.

Здесь, в этой комнате, Ленин проводил последние свои работы: «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше». Небольшие по объему, эти произведения представляют выдающийся вклад в современную марксизма.

В комнате Владимира Ильича любая деталь поможет увидеть живую облик нашего вождя. Ленин умеет найти подход к каждому человеку, направить его силы и знания на нужное, необходимое reso-

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле, Октябрь 1918 года.

Столовая в квартире В. И. Ленина

люции дело. Вот на столе книжка И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». На титульном листе надписи: «Дорогому тов. В. И. Ленину-Ульянову автор, законченный за работу в порядке беспощадного «принуждения» и неожиданно нашедший в ней свое «призвание», Да здравствует такое «принуждение»».

Владимиру Ильичу очень тогда понравилась книга И. Степанова. Он написал к ней предисловие, в котором от всей души рекомендовал книгу вниманию всех коммунистов.

К книге И. Степанова приложена «Схематическая карта электрификации России». Красными кружочками обозначены проектируемые станции. Красные кружочки стоят и возле Царицына, Нижнего Новгорода и других городов, где в 1922 году предполагалось построить электростанции «на смешанном топливе». Ленинский план этот давно осуществлен. Но, глядя на карту сегодня, мы переносим мысленным взором на берега Волги и Днепра, Амур и Обь, Камы и Иртыша, где воздвигаются сейчас гигантские гидроузлы. Воплощаются в действительность самые смелые предначертания Ленина.

Откроем другую книгу, которая лежит здесь же, на столе. Это сборник статей К. А. Тимирязева «Наука и демократия». Рукою автора написано: «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ленину от К. Тимирязева, считающего за счастье быть его современником и свидетелем его славы деятельности».

Владимир Ильич ответил выдающемуся ученому сердечным письмом:

«Дорогой Климентий Аркадьевич! Большое спасибо Вам за Вашу книгу и добрые слова. Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть».

Крепло, крепко жму Вашу руку и от всей души желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья!

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

Среди книг, подаренных Владимиру Ильичу, — «Памятная книжка советского строителя», составленная Л. М. Кагановичем, с посвящением: «К 3-ей годовщине Октябрьской революции. Посвящается эта книжка Первому и Великому Маршалу Советскому Строителю, Вождю Октябрьской революции Владимиру Ильичу Ленину».

Мы проходим через столовую, комнату Марии Ильиничны в последнюю большую комнату, которая дополнительно была выделена семье Ульяновых в те дни, когда Ленин был болен. Здесь почти ежедневно дежурили врачи. Сюда иногда входили ветераны Владимир Ильич послушать музыку.

Знакомство с квартирой Ленина подходит к концу. Вынута лестница из коридора вверх за застенчивую террасу, построенную для Ильича во время его болезни. Владимир Ильич поднимался сюда на лифте и отдыхал на свежем воздухе. Заслужена омонично, но уходить никому не хочется. У всех одно желание — еще побыть здесь, запечатлеть в памяти каждую мелочь, каждую лиговую деталь той обстановки, где жила и трудился гениальный вождь и простой, необыкновенный человек, тот, кто стал для трудящихся мира самым родным и близким из всех людей.

Вас. КУЛЕМИН

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНИЙ

Мне, простой советской женщине, выпало счастье в годы юности работать в Кремле и часто видеть Ленина. Я была у него телефонисткой, выполняла его поручения, и память об этих незабываемых днях осталась на всю жизнь.

В августе 1919 года меня вызвал к себе комиссар Московской телефонной станции, где я работала. Когда я вошла к нему в кабинет, он как-то по-особенному посмотрел на меня, встал и сказал необычно торжественным тоном:

— Направляю тебя на работу в Кремль. Как смотришь на это?

Я не сразу поняла, о чем пойдет речь.

В Соваркме нужна телефонистка — поистему она — ты член партии. Из рабочей семьи. Здесь, на телефонной станции, уже семь лет... Мы решили доверить эту работу тебе.

Признаюсь, я тогда еще болясь ответственности. Другое девушка на два года революция как-то заметно выросла, распрямилась, подлилась, а я поперехому дома болясь отца, на работе — начальства. И теперь вдруг меня посылают в Кремль на работу в Соваркме — это что? Революция? Кремль — это средоточие всех народных надежд, Кремль — это Ленин. И вдруг я, Лида Орлова, в Кремль!

В здании Совета Народных Комиссаров в то время было два коммутатора — на втором и третьем этажах. Коммутатор на третьем этаже имел 150 номеров и помещался рядом с кабинетом товарища Ленина. Туда меня и направили работать.

Конечно, я вошла впервые в Кремль с Красной площадью. С неуверенным волнением поднималась я по крутой лестнице здания, где помещался тогда Соваркме. Кто меня встретил, кто показал дорогу, — этого я не запомню. Одна мысль владыла мной: здесь рядом работает Ленин.

На первом дежурстве я была сама не своя. Слушала вызовы, выключала и отключала номера, отмечая на водрузе. Но все было не как прежде. Ибо здесь рядом был Ленин. И нельзя было просто, сплотно произносить необязочные: «Товарища Ленина!» Сейчас проверю. Да, у себя. Пожаулуста, соединю». Произносила это имя и сама себе не верила. Вдруг дверь кабинета Председателя Совнаркома открылась, и оттуда стремительно вышел человек с несколькими записочками в руках, просматривая и перечитывая их на ходу. «Ой!» — екнуло сердце. Да, перело мной стоял Владимир Ильич. Кровь бросилась мне в лицо.

— Кто сегодня дежурит? — спросил Владимир Ильич, продолжая смотреть на записочки. Потом оторвал от них глаза. — Вы?... А, новый товарищ! Очень хорошо...

Он внимательно посмотрел на меня, очевидно, заметил мою бледность, взволнованность.

— Откуда вы прислали, товарищ? С Московской станции? Значит, очень естра. Очень хорошо... Вот тут я написал вам несколько записочек, кого и когда вызвать ко мне... Предупредите, пожаулуста, эти товарищевы. Нет, возьмите. Почерк мой разберете? Давайте и вам прочтете... Вы поняли? Все понятно? А если не разберете, придите, спросите...

Владимир Ильич пошел к своему кабинету, но у двери обернулся и повторил:

— Если не разберете, пожаулуста, не постесняйтесь прийти.

Я держала в руках записочки Ленина, делала вызовы и чувствовала, как спадало мое волнение. Я говорила уже уверенно, четко: «Товарищ Ленин просит вас завтра в десять утра быть у него на приеме. Пожаулуста, разве в десять уприс».

Владимир Ильич был очень аккуратным человеком: носил всегда белоснежный воротничок, и его простой костюм был всегда тщательно выглажен. Он не любил беспорядка и требовал абсолютного порядка во всем. Его кабинет представлял собой образец аккуратности и простоты. Он не любил мягкой мебели и пользовался простым деревянным

креслом с соломенным плетением. На столе стояла обыкновенная настольная лампа под зеленым абажуром, перекади календарь, два ящичка для бумаг, два телефонных аппарата — городской и междугородный.

По обе стороны письменного стола стояли две вращающиеся этажерки с бумагами и справочниками. Позади письменного стола и вдоль стен — книжные шкафы. Между окнами, выходящими на кремлевский двор, висела большая карта с картой обозначения Европейской части России. У стены помещался диван на деревянной спинке которого стоял портрет Карла Маркса.

Коммутатор товарища Ленина был соединен со всеми Нарккомскими Коммунами. Телефонные переговоры между членами правительства также шли через этот коммутатор, поэтому работа всегда было много.

Владимир Ильич был очень требовательным в делах. Его распоряжения, о вызовах людей записывались и выполнялись точно и в срок. Часть работы по повешению товарищей о приеме он возложил на телефонисток. Это несколько разгневало секретарей, которым все равно пришлось бы делать вызовы через коммутатор. Часто он сам диктовал вызовы одной из двух дежурных телефонисток. Он просил сообщить назначенным на прием за несколько дней, а в день приема снова напоминать им, Владимир Ильич распорядился повесить в простенке у коммутатора небольшую школьную доску и записывать на ней место все его распоряжения о вызовах людей к себе на прием. С этой школьной доской, которая была вывешена Владимиром Ильичем уже при мне, всем стало очень удобно. По мере выполнения неужное старалось.

В дни приема товарищ Ленин утром выходил из коммутатор и смотрел доску записей:

ПЛАЦ ДЗЕРЖИНСКОГО

Тянулс я моря облака,
И барабанил дождь по крышам.
В час поздний

Ильич с товарищами вышел.

Машины нет,
А путь неоближый.

И, на холмовой доньке вочу,
Навостил у ворот Дзержинский
Свой плац на плечи Ильича.

Но плац надеть
Ильич не хочет.

И я тишине слова слышам:
— Вадь вас до нитки дождь промочет,
А вы, мой батенька, болым...

Да, это так.

Его сурово
Порочно каменъ бьет, как быч.
Но он в душе подумал снова:
«А вядру простудится Ильич!»

И прозвонил: — Пустик. Мне рядом.
Дон крайний. Справа, за углом.
До завтра...
Ночь над Петроградом.
Шагает Ленин под плащом.

Дондъ покирует обелиск,
Стучитс в каждое стекло.
Над по городу Дзержинский,
Идет Выборгское расцвето.

Яков КОЗЛОВСКИЙ

— Ну, кто у нас сегодня назначен на прием? Всех оповестили? Напомните-ка еще раз, предупредите, пожаулуста...

Владимир Ильич очень не любил, чтобы предвидение ожидали приема, поэтому каждый должен был придти в точно назначенное время.

Телефонисткам в те годы работать не так легко и просто, как сейчас. Часто не было света, и тогда мы поджидали пригтовленные звонки, выходя в темноту.

Иногда переговоры сначала могли вестись только из стеклянной будки, которая находилась в помещении коммутатора. Переговариваясь, мы слышали переключатели, обрыва на линии. Но вскоре Владимир Ильич был поставлен в кабинете аппарат прямого провода, да и телефонная связь стала лучше.

Когда Владимир Ильич говорил из стеклянной будки по междугородному телефону с городами или с фронтом, я слышала, как он отдавал распоряжения, тут же назначал сроки выполнения, требовал доложить об исполнении и предупредил, что сам лично проверит для чего-либо в своем распоряжении. Владимир Ильич докладывал о победах над безбогвердеями, о выполнении заказов для фронта, об отпуске хлеба для городов, и — я помню это — он всегда так радостно благодарил, как будто ему лично кто-то сделал большое и долгожданное поручение.

Мы, телефонистки, немолво прислушивались к разговорам, страдали, когда видели, что Владимир Ильич тяжело, радостно, когда было ему лично кто-то сделал большое и долгожданное поручение.

На доклад о разных неполадках Владимир Ильич реагировал сразу. Он тут же заказывал дежурной телефонистке разговор с Народным Комиссаром, которого касался вопрос, или же сообщал о состоянии дел по междугородному телефону, если речь шла о других городах.

Владимир Ильич был очень прост в обращении с людьми. Он разговаривал с нами не только как с равными, но с большим уважением. Никогда самые большие дела не могли помешать Владимиру Ильичу заботиться о людях.

Не было случая, чтобы Владимир Ильич, узнав какой-нибудь беде, не старался помочь человеку. Он хлопотал об охках для крестьянина, которого видел впервые, об обеде для матери своего секретаря, о красноармейце, с которым разговаривал в теплушке товарного поезда, об истопнике, который топил печь его кабинета, о большой жемане, которой нужно было срочно сделать операцию. Помог он и мне. Вот как это произошло.

В 1923 году я вышла замуж за курсанта ЦКК Красных коммандов ВЦКК Семенина. В том же году я проводила его на Туркестанский фронт, а в мае 1921 года у меня родился девочка.

Нюта мне не с кем было оставить девочку дома, да вот однажды пришлось отпрашиваться на дежурство в Кремль с Надеждой на руках. В первом половине дня дочь тихонько спала на одеялке, поставленной на двух стульях в углу. Но потом она проснулась. Что делать? Работать, а ребенок на руках у аппарата было нельзя. Я придвинула стул к девочке к стеновым часам, решив, что она станет смотреть на маятник и быстро уснет. Но Надежда тут же начала неистово плакать. Как раз в этот момент появился на коммутаторе Владимир Ильич. В руках у него был пакет.

— Кто дежурит? — спросил он. — Вы? Очень хорошо! Вот это отпривете сейчас же, срочно... А ней это ребенок? Валя? Ребенок Надежды? Очень хорошо, прекрасное имя!

Владимир Ильич подошел к девочке и осторожно, но с удовольствием похлопал ее по щеке.

А что вы с ней здесь? — спросил он вядру.

Я рассказала, что девочку мне с кем оставить. Владимир Ильич молча возвратился к себе. Через полчаса меня вызвал управляющий делами Совнаркома.

— У вас есть ребенок? — спросил он.
 — Да, — ответила я.
 — А где он?
 — Здесь.
 — А почему?
 — Я объясала.
 — Ну, вот что, — сказал управляющий, — возьмите ребенка и идите домой. Не приходите на работу до тех пор, пока мы не устроим вашу Надежду в детский ясли.

Не прошло и двух дней, как я получила известие, что моя Надежда принята в ясли. Они помещались тогда в четвертом Доме Советов, в том здании, где сейчас приемная Председателя Президиума Верховного Совета. Если были по тем временам очень хороши. Я была счастлива. Через несколько дней Владимир Ильич зашел на коммунатор с пакетом для Наркомпрода, увидел меня в сразу спросил:

— Ну, как ребенок? Привели дочку?
 — Привили, Владимир Ильич, огромную... Только я хотела сказать слово «спасибо», но Владимир Ильич перебил меня:
 — Ничего, ничего — и сейчас же ушел.

Вскоре после этого произошла такая случай. Среди ночи, когда Владимир Ильич ушел отдыхать, вторая дежурная телефонистка отравила в его кабинет, чтобы посылать там на диване. Так делалось часто на ночных дежурствах: одна телефонистка работала, другая спала. Не успев телефонистка прилечь, как в коридоре послышались знакомые шаги: Владимир Ильич возвращался по какому-то делу к себе. Телефонистка вскопала, но было уже поздно. Владимир Ильич вошел в кабинет своей обычной быстрой походкой. Моя подруга, смутившись, вышла ко мне в аппаратную комнату. Минут через десять Владимир Ильич заглянул на коммунатор.

— И ужоу, — сказал он, — идите, идите отдыхайте...

На следующий день Владимир Ильич распорядился, чтобы для дежурных телефонисток была оборудована комната для отдыха, и приказал хорошо ее утеплить. Это распоряжение было быстро выполнено, хотя по тем временам это нелегко было сделать.

Работал Владимир Ильич допоздна — иногда до часу, до двух ночи. Секретаря, если не было работы, уходил часов в десять вечера, а две телефонистки дежурили у коммунатора круглосуточно. Мне очень хорошо запомнилась ночь перед субботником, на котором работал Владимир Ильич. В эту ночь я как раз дежурила. Перед тем, как уйти домой, Владимир Ильич, как обычно, зашел на коммунатор и сказал мне:

— Я ужоу. Вы меня разбудите завтра... Я посмотрела с удивлением на Владимира Ильича, так как было уже полночь.

— Ну, да, собственно, уже сегодня, — поправила Владимир Ильич, — разбудите часов в восемь, я пойду на субботник...

Мне не пришлось выполнять это поручение. Утром, до назначенного часа, Владимир Ильич сам пришел на коммунатор. На нем был рабочий костюм и простые русские сапожки, в руках копейка; поздравившись, он сказал мне, что уходит на работу. Владимир Ильич всегда ставил в известность секретаря или телефонистку, куда он уходит или уезжает.

— Вы рано идите, Владимир Ильич, — сказала я ему.
 — Ничего, — ответил он, надев кепку и шапку так же просто, как раньше укладывал в за- заседаний или на митинг. Таким и запомнил я его на всю жизнь.

Девочка, которую Владимир Ильич устроил в ясли, — теперь сама уже мать, а я давно уже бабушка. Я живу с дочкой и внуком в Москве, в Гнездиновском переулке, получаю персональную пенсию. С радостью гляжу я на подрастающее поколение и вспоминаю при этом слова Владимира Ильича сказанные им 1 Мая 1919 года на Красной площади:

«До сих пор, как о скалке, говорили о том, что увидят дети наши, до теперь, товарищи, вы все видите, что злобнейшим нам здание социалистического общества — не устоя. Если усердие будут строить это здание наши дети».

Л. СЕМЕНОВА,
 персональная пенсионерка.

Фрагмент картины М. Лебедева «Ленин на первом майском субботнике в Кремле».

ЛЕНИН НА СУББОТНИКЕ

Вл. БОНЧ-БРУЕВИЧ

В 1920 году первомайский праздник в Москве начался необычно: с утра во все концы города потянулись колонны рабочих и служащих. В спелыхках, фуфайках, с лопатами, кирками шагали люди, распевая революционные песни. Сияющие лица, радостные возгласы — все говорило о сильном воодушевлении. Стоило отпечатавать шаг, по-военному строго. Войска отряды комсомольцев.

Одно слово звучало в это утро повсюду. Его произносили как приветствие, как призыв. Слово это — субботник.

Владимир Ильич очень любил весенний, радостный пролетарский праздник Первого мая. Он всегда деятельно принимал в нем участие. В этом же году, когда массам проявил стремление отметить свой праздник коллективным творчеством, Ильич был особенно радостен. Он призывал всех принять участие в субботнике.

В Кремле, на площади строились красноармейцы. Было решено, что они тоже примут участие в субботнике: ведь работа была повсюду много. Командиры распределяли людей по участкам, собирали инструмент.

Около девяти часов Владимир Ильич вышел из своей квартиры. Лицо его было как-то особенно взволновано. Он направился на площадь и майданам, где стояли красноармейцы. Ильич подошел к командиру и поздравовал с ним по-военному.

— Товарищ командир, разрешите мне присоединиться к вам для участия в субботнике.

Командир был смущен. В первый миг он просто не нашлся, что ответить. Но потом овладел собой и сказал:

— Пожалуйста, Владимир Ильич.
 Ленин прошел на правый фланг и стал в строй. Радостные возгласы понеслись по рядам: «Ильич будет на субботнике с нами».

Послышалась команда. Строй замер и под звуки оркестра направился к месту работы. В серой кепке и легкой куртке Ильич шагал рядом с красноармейцами — простой и великий, близкий и дорогой.

Все дружно взялись за дело. Разбирали тес, бревна, брусья и укладывали в штабеля. Командиры и красноармейцы стали было уговаривать Владимира Ильича, чтоб он не напрягал свои силы, брал то, что полегче. Все знали, что он еще не оправился после ранения. Но какие тут! Ильич и слушать не хотел. Наоборот, он шел туда, где было особенно трудно, смело подставлял свое плечо под любую тяжесть, с упреком напевал революционные песни и от души радовался трудовому подъему, который захватил всех.

Когда командир объявил переерыв, Владимир Ильича окружили тесным кольцом. Он шутил, расправлял срам, как рассказывал. Всем было так легко с ним, так хотелось сделать что-то больше, чтоб Ильич увидел и похвалил. И когда приступили снова к работе, то все трудился с угрозенной энергией: присутствие Ленина вдохновляло, вливало новые силы.

ВЕРИТЬ, У ПОДОШКАЯ СЯНА...

Весенним сумеркам 8 мая 1897 года Владимир Ильич Ленин в сопровождении двух товарищей прибыл в глухое сибирское село Шушенское.

Никому тогда неведомый географический пункт, затерявшийся в степных просторах Минусинско-Хакасской долины, вошел в историю. Но известны всему миру. Уж много лет тысячи папиноских со всего света навостряют историческое око, куда парком самодержавие отправило в ссылку великого революционера и мыслителя, выразителя дум и чаяний народа.

...Пассажирский автобус, курсирующий по линии Минусинск—Шушенское, плотно набитый людьми, мчится по широкому тракту. На сорок метров километр неожиданно вырастает камышовый бродок, надпись на котором гласит:

В. И. Ленин
в 1897 г. выехал
в село Шушенское,
где находился до 1900 г.

Саова в село Шушенское оживлены приехавшей стрелой, указывающей поворот с тракта на шоссе. И автобус, вслушивая очередную партию эскурантов, сворачивает, как показывает стрела, вправо.

С волнением и трепетом ступаем мы на землю, где почти три года провел в изгнании Владимир Ильич.

Какое оно, это самое «Шу-шу-шу», как называл место своей ссылки Ленин?.. Как здесь жил Ильич?.. Как теперь живут люди?

ИСТОРИЯ ШУШ

«Шу-шу-шу—село Ильдурин»,—писал Владимир Ильич своей матери в первые же дни после прибытия в Шушенское.

Полное тепло и нежность письма рассказывало, что тут есть и лес и вода, где можно будет купаться, и пейзаж неплох: на горизонте видны Саянские горы.

«Значит и по части художественности кое-что есть, и я не даром сочинил еще в Красноярске стихи: «В Шуше, у подошья Саяна...», но дальше первого стиха ничего, к сожаленью, не сочинил!».

Это было бодрое, оптимистическое письмо для успокоения материнского сердца, которое вынесло один страшный удар—казнь сына Александра, старшего брата Владимира Ильича, за участие в покушении на царя, а теперь еще удар—ссылка Володи в далекий сибирский край... Но вот по просьбе своей сестры Марии Ильичны Лениной в письме 19 июля 1897 года нарисовал реальную картину этой непроходимой глуши:

«Ты просишь, Маша, описать село Шу-шу-шу... Гм, гм! Да ведь я, кажись, описал уже описывал его. Село большое, в несколько ульев, довольно грязных, пыльных—все как быть следует. Стоит в степи—саван и вообще растительности нет. Окружено село... изломом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некое количество навоза. У меня есть два речушка, текут с южной стороны. В верстах в 1—1½ от села (точнее, от м. и. н.; село дивинное) Шуш вытекает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подходить нет. Купаться я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шуш) верстах в 1½—«бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле великолепный, сильно повурчубленный лесничко, в котором нет даже

настоящей тени (зато много кукуйники!) и который не имеет ничего общего с Сибирской тайгой, о которой я писал только-только, но не бывав в ней (она отсюда не менее 30—40 верст). Горы... на счет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат в ерестах в 50, так что на их можно только глядеть, куда обложка не зарывалась их... тогда как в Женеве можно глядеть на Монблан... Поэтому на твой вопрос: «А как же я горы собираюсь—могу ответить лишь: на песчане холмики, которые есть в так называемом «бурзу»—вообще здесь песку достаточко».

Это было типичное глухое сибирское село. В 1947 году шушенцы отмечали две исторические даты: десятилетие существования села и пятидесятилетие с того дня, когда прибыл сюда в ссылку Владимир Ильич Ленин.

История села уходит глубже тех времен, когда русские люди впервые появились в долине Южного Енисея. В 1709 году передовые отряды казаков Красноярского гарнизона, завоевывавшие новые земли, достигли подошья Саянских гор. В этом месте река Енисей, которую туземцы называли «Юносса», а другие «шоруды»—«Шу-лу-зем», что в переводе означало «большая вода», бурно вырывается из горных теснин и могучим устремлением на просторы Минусинско-Хакасской долины. Здесь, на правом берегу Енисея, казаки основали небольшую крепость—Саявский острог, а южнее крепости стали заводить пашни и сады. Она и сейчас замком была построена на берегу реки Шушеки при впадении ее в протоку Енисея. Когда началась разработка медных рудников у горы Омай-Тура, пашенная земля быстро заедилась. Первые писемонные упоминания о Шушенском историк нашел в указах Красноярского воеводства за 1747 год. Известный путешественник академик Паллас, совершивший поездку по Енисею, подробно описал это поселение. «В Шуше, в верстах 20 отсюда... состоит из 25 дворов зажиточных крестьян в 5 казачьих изб. С полверсты отсюда видно четвертоеуровне на ровном месте и уже заросшее горюхице, окружено шатам на тысячу и только с северозападной устью просад икощее... Вообще место кажется было выбрано к укреплению и выгоду». К концу XVIII века Шушенское сделалось уже волостным центром, а в начале XIX века енисейский губернатор стал направлять сюда «государственных преступников».

Первым из политических ссыльных в село Шушенское был волонтер поселенца Ильича в Забайкалье декабрист П. И. Фаленберг. Он прожил в Шуше 25 года—с 18 декабря 1832 года до объявления амнистии декабристам. В 1836 году сюда был прислан, также после отбытия каторги, второй декабрист А. Ф. Фролов. В 1860 году под усиленным надзором издалека из столицы известный революционер-утолист М. В. Буташевич-Петрашевский, вздорный в это далеко село после совместной каторги на Шилке. Отбыл на ссылку в Шушенское народник, участник польского восстания и в двенадцатых годах прошлого столетия—социал-демократ, эти «декабристы конца XIX века», арестованные царским правительством в декабре 1895 года за участие в петербургском «Созвездии борьбы за освобождение русского народа».

Сюда был послан и великий вождь революции Ленин. Ильич заметил не только упыный язык села, такой же убогой была и жизнь крестьян, приравненных безземельным иждивенцам деревенской жизни в царской империи.

Когда земля в этих местах еще не была поделена между крестьянами по душам, ее захватывали кто как мог: «Справные хозяева

выезжали на сытых лошадей в поле, очерчивали плугом пашню, каковы охватывали их жидкий грядки. В результате таких «грядков» и истинного вытеснения зажиточными бедных самые лучшие пахотные земли, расположенные близко к селу, отутились в руках деревенских митродов. Беднякам досталась только роденные «пашни» да и эти чудесные пашни дескали далеко от жилья. К тому времени, когда Ленин прибыл в Шушенское, бедняки имели на хозяйство 1—2 десятины пахотной земли, середняки—4—6 десятин, пашни кулаков занимали от 50 до 100 десятин лучших, плодородных земель. Большинство шушенцев было в непопалом долгу у богачев села—купцов Строганова и Урбана.

Нищета, безграмотность, законные обиды и обиды бытового под крашми шушенских изб в двенадцатых годах прошлого столетия. Сельская «интеллигенция» того времени—поп, учитель и волостной писарь в долгие зимние вечера шли водку и дулись в карты. Владимир Ильич пытался завести знакомство с учителями, но тот не проявил никакого интереса к общественным вопросам, его засосало стоевое болото беспросветной тоски и скуки.

Так жила старая, дореволюционная Шуш.

«ЖИВОЙ ПАМЯТНИК ИЛЬЧУ»

Когда подмозжана к Шуше сегодня, первым бросается в глаза четырехэтажный корпус каменного здания. Стоит оно на кромке бора, на отшибе от села, но фасадом к нему. Это Шушенский сельскохозяйственный техникум. Его возникновение связано с именем Ленина. Зимой 1924 года крестьяне собрались на сход и решили ходатайствовать об открытии сельскохозяйственного техникума. Техникум должен служить сквиным памятником Ильичу, послав шушенцы в протоколе сельского собрания, и поможет скорее переделать село на новый, ленинский лад. Крестьяне изъявляли готовность выделить из земель общины безземельно пятьсот десятин лучшей земли для организации учебно-показательных полей техникума.

В 1954 году Шушенский сельскохозяйственный техникум отметил двадцатипятилетие своего существования. За эти годы в его стенах были подготовлены тысячи агрономов-любителей. Сейчас в его многочисленных классах и на опытных полях занимается около 500 юношей и девушек из сибирских колхозов. В техникуме открыты: теплица, школа управляющих фермами и отделенными совхозов. Она готовит квалифцированные кадры для совхозов, расположенных на территории от Владивостока до Сталинграда.

Вокруг четырехэтажного учебного корпуса вырос целый городок—студенческие общежития, электростанция, котельная, производственный клуб, столовая. Все это воздвигнуто фундаментально, прочно, из кирпича, оформлено архитектурно, красиво, ансамблем, функционально, уютно, со вкусом Шуш. Перед техникумом насчитается парк площадью в десять гектаров. Его аллея протянута до самого села и соединяет агрономский городок с Шушью.

А вот и село «Шу-шу-шу».

Автобус останавливается в центре села, где находится знакомая, с протестной вперед рукой фигура Ильича. Постамент памятника окружает простая ограда, за которой всеми азартами радуют горят на осеннем солнце цветы.

Шушенское... Все здесь, на этой земле, связано с именем Ленина: ульич и дома, излюбленные Владимиром Ильичем места охоты, рыбной ловли, прогулок.

Ф. Голубков. «Первая листовка»
(масло). 1951 год.

В. Басов. «В. И. Ленин среди крестьян села Шушенского» (масло).

Всесоюзная художественная выставка 1954 года

В. Тевзани. «Первая телеграмма В. И. Ленину» (масло).

Третья Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов.

Обя дома, в которых жил Владимир Ильич, превращены в 1930 году в музей. С их осмотра мы начинаем экскурсию.

Вот первая квартира Ленина в Шушенском — типично сибирский, с наглухо закрытыми ставнями дом. Он принадлежал его держателю земской квартиры Анатолию Домьяновичу Зырянову. «Минусинский изгнаннык» по прибытии в Шушенское поселился на земской квартире. Но хозяевам так понравилась квартира, что они оступились: ему отделили комнату, поставили в ней деревянную кровать, четыре стула и даже сделали полки для книг. В комнате, отведенной Зыряновыми Владимиру Ильичу, полностью, вплоть до мелких комнатных принадлежностей, установили на скромной обстановке, в которой жил и работал Ленин в течение первого года ссылки, до приезда в Шушенское Надежды Константиновны Крупской. В других трех комнатах жили и деятельность великого вождя.

7 мая 1898 года в село Шушенское приехала Надежда Константиновна Крупская. Ее приезд вызвал бурную переписку полицейских канцелярий. Полетали донесения и телеграммы. Строчили чиновники, исправники и губернаторы...

Документы, экспонированные в Шушенском музее, показывают, что парская охранка пристально следила не только за каждым шагом политического деятеля, но бесцеремонно вмешивалась и в личную жизнь «подзащитных».

Крупской, арестованной, как и Владимир Ильич, по делу «Союза борьбы», местом назначения первоначально была назначена Уфимская губерния. Но и Надежда Константиновна и Владимир Ильич обратились с просьбой заменить ей место ссылки. Ленин телеграфировал из Шушенского в департамент полиции:

«Имею честь просить разрешить мое место Надежде Крупской перевод в село Шушенское».

После длительной переписки Крупской было разрешено отбывать ссылку вместе с Лениным, но при условии, что она немедленно поступит к ним в законный брак.

Минусинский окружной исправник на второй же день после приезда Надежды Константиновны из Минусинска в Шушенское доложил енисейскому губернатору, что ему поручено черкнуть за Крупской гласный надзор и строго наблюдать за деятельностью ее в браке с подзащитным Ульяновым. Тем в свое время последует особое донесение.

Вскоре Ленин и Крупская переехали на новую квартиру.

Вторая квартира Владимира Ильича находится в самом живописном уголке Шушенского. Дом стоит в тихом переулке, у реки. Около дома, на самом берегу, воздвигнут усадьба в селе памятник Ленину. На противоположном берегу можно нависшие вербы, топи в зеркале, отражаются в спокойных водах Шусты.

Первый же взгляд на этот дом с необычно высокими окнами, с колоннами на парадном крыльце невольно возникает вопрос: какими судьбами в глухом селе среди обыкновенных сибирских изб появилось это городское типа строение? Дом, оказывается, имеет свою интересную историю. Он был построен по проекту декабриста Фролова, хорошо знавшего строительное дело, для декабриста же Фаленберга. Кстати, отбывавшие ссылку в Шушенском декабристы оставили о себе и другую память. Они первыми в этом краю начали сеять табак, арбузы, дыни. Эти культуры прижились с тех пор, и сейчас почти в каждом дворе колхозника под навесом или в терраске можно видеть развешенные для сушки пучки этих табачных листьев. Фаленберг, уезжая после амнистии из Шушенского, продал свой дом. В годы ссылки Ленина он принадлежал вдове-крестьянке Петровой. Теперь здесь Шушенский музей В. И. Ленина.

С волевым нажимом ковалюшкою калитки — сколько раз притрагивался к ней рука Ильича! Входим во двор. В глаза бросаются цветы. Их множество... Направо, в углу двора, у самых ворот, шатрообразная беседка на бережках реки, обитая эмалью. Беседка восстановлена недавно. Часто бывавшая в этом дворе Аиша Семеновна Сердичи-

на, дочь хозяйки дома Петровой, рассказывала: как Владимир Ильич, квартиrant наш, ездил в лес за березовыми прутиками для мебели. Помню, как он мастерил ее вместе с супругой. Такой упрямый был, что задушевно смеется.

Аиша Семеновна сопровождала экскурсантов и в музее.

— Вот на той половине, с черного хода, мы жили, — рассказывала она. — А эту половину, что осталась к улице, занимала Владимир Ильич и Надежда Константиновна, да еще старушка, мать Надежды Константиновны, с ними жила.

Мы проходим через крохоткую кухню с огромной русской печью, где, по рассказам Аиши Семеновны, Надежда Константиновна ухаживала у своей домашней работницы Паше Мезиной чаш «сибирские пеньюшки», а Владимир Ильич, пробуя слободу, приговаривал, дукая по приписку гаяк:

— Ну, Нуша, очень вкусно. Большие надежды пойдешь в области кушаньями!

Скромность и простота обстановки поражают и в этой квартире Ильича. В следующей за кухней комнате — незамысловатый буфет, стол, стулья, жестяной диванчик. Стулья, которыми пользовался Ленин, представляли так, как они стояли при Ильиче. В этой комнате Ленин беседовал с крестьянами, часто обращавшимися к нему за житейскими советами и за юридическим помощью.

У этой третьей комнаты стоит знакомая по снимкам котурка, служившая Ильичу письменным столом. На котурке — каминная ручка, которой писал Ленин... Сколько ночей, полных напряженного труда, проводил великий мыслитель за этой котуркой! В книге «Развитие капитализма в России», завершившей идейный разгром народничества, Ленин ссылается на четыреста различных литературных источников — книг, журналов, обзоров, статистических данных, которые были привлечены в качестве материала для научной работы. Некоторые книги стоят и сейчас на книжных полках, рядом с котуркой.

Картинки, фотографии, различные документы, экспонированные в музее, ясно показывают, как жил и работал Владимир Ильич в ссылке.

Великому вождю нелегко было коротать дни в этом сибирском стартарьяре. Здесь за каждым его шагом следила парская охранка. В музее можно видеть заведенные шесть дел «о подзащитном Ульянове». Одножды в шушенскую квартиру Ильича нагрянули жандармы и сделали обыск... Но как ни тягелы были условия изгнания, гений Ленина продолжал творить. Годы ссылки не коснулись душевных сил Ильича. Иные слабые люди «революционеры», сосланные в далекие сибирские края, садиравали горькую жизнь изгнания алкоголем, опускаясь, чикая, хирея, пытаясь покончить письмом... Никакая «страна изгнания», ничто не могло сломить бодрости и жизнелюбности Ленина. Он и в ссылке оставался могучим горным ором, вдохновителем и идейным руководителем революционного движения.

В дикий, непробудный сибирский гущу Ленин развил огромную теоретическую деятельность. Со строгостью, присущей только великому ученому, он распределял свое время для ряда литературных работ и прежде всего для — окончания книги «Развитие капитализма в России». Он перечитывал произведения Миракса и Энгельса, знакомился с новинками марксистской литературы на иностранных языках, которые удавалось ему получить, читал много книг по истории, географии, естественным областям знания, русские и иностранные газеты и

журналы, совершенствовался в знании иностранных языков, вел обширную переписку с родными, ссыльными товарищами, группой «Освобождение труда», социал-демократами в России.

Годы, проведенные в ссылке, полны творческого труда. Владимир Ильич в селе Шушенском написал свыше тридцати произведений. Среди них: «Развитие капитализма в России», «Задачи русских социал-демократов», «К характеристике экономического романтизма», «Об каком наследстве мы отказываемся?», «Капитализм в сельском хозяйстве», «Прогресс российских социал-демократов», «Проект программы нашей партии». В этих трудах Ленин, направляя революционную мысль на верный, марксистский путь, ставил и разрешал основные вопросы рабочего движения. В Шушенском великий вождь разрабатывал программу и тактику партии, продолжал решительную войну против народничества, выступал против «слезливых марксистов», поднимал знамя борьбы против «экономизма», против оппортунизма.

Не осталось ни одного вопроса революционной теории и практики, организационного строительства марксистской партии, которых не затронул бы Ленин в годы ссылки. Здесь, в Шушенском, был продуман и выброшен план создания революционной пролетарской партии — партии нового типа — при помощи такого важнейшего орудия идейного и организационного воспитания социал-демократов, как общерусская политическая газета. Идея издания «Искры» родилась в Шушенском, в далекой Сибири, откуда декабристы в ответ на послание Пушкина начертали крылатые слова: «Из искры возгорится пламя».

Проект ссылки Ленина подходил к концу.

«Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал, — читая мы в воспоминаниях Крупской о последних месяцах пребывания в Шушенском. — Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях. Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше росла его озабоченность.

29 января 1898 года утром на шушенской квартире Ульяновых собралось товарищ по ссылке — лодкинский социал-демократ Промиский с женой и шестью ребятами, путужковский рабочий Оскар Энгберг, близкие знакомые Ильичу крестьяне, с которыми он ходил на охоту, на рыбалку и которым много помогал как юрист.

Это было утро проводов.

Оскар Энгберг подарил на прощание Надежде Константиновне сделанную им из древней железной бранши брошку в виде миниатюрного томика книги с надписью «Кларк Маркс» — на память о занятиях с ним по изучению «Капитала».

Тепло распространилось с провожающими, Ульяновы оставили Шушенское.

Дом в с. Шушенском (первая квартира), где В. И. Ленин жил с мая 1897 по июль 1898 года.

Дом в с. Шушенском (второй из квартиры), где В. И. Ленин жил с июля 1898 по февраль 1900 года.

КОМКИ МЫСЛЕЙ И ЧУВСТВ НАРОДА

Старина Шушенский музей В. И. Ленина, мы беремся за перо, чтобы в «Книге для записи впечатлений» выразить свои чувства.

Что написать?.. Что можно добавить к тому, что уже сказано тысячами посетителями, ехавшими в Шушенское со всего света? До нас в музее побывало более трехсот тысяч человек. Эти колоссальные людские потоки приносят сюда с запада в восток, с севера и юга беспрерывную любовь народа к тому, кто отдал человечеству путь к новой жизни. Профессора и рабочие, студенты и художники, учителя и крестьяне, артисты и музыканты, солдаты, матросы и офицеры — люди разных профессий и возрастов находят место душевного тепла. Их завлекло, то кратко, то пространные, покое на исповедь, клевету или душную беседу с Ильичем, составили уже несколько томов «Книги впечатлений».

Вот гость народа:

«Все, что мы здесь видели и слышали, — забыть нельзя», — пишет группа комсомольских работников.

«Исповнялся, якоже, мой мечт, — записывает студент Красноярского музыкального училища, — побывав в Шушенском. Трудно передать чувство, владеющее человеком, попавшим в дома, где жила и творил великий Ильич».

Выступился Шушенского сельскохозяйственного техникума перед отменой лесных сомов и колхозы еще раз посетили квартиры Ленина.

«Уезжая из Шушенского, — пишут они в книге мыслей и чувств народа, — мы, агрономы, решили записать образ великого гения на все время, чтобы работать, трудиться так, как учил Владимир Ильич. Его образ будет водружаться нас в работе».

«Сегодня я посетил дом, где работал Владимир Ильич Ленин. Сейчас я все понял и еще более прониклась к нему уважением и горячей любовью к его делу и учению... Я сейчас пишу, у меня так сильно бьется сердце, на меня врываются сильные впечатления, но выразить все чувства не могу, потому, что не умею. Одно меня горючит — почему я до сих пор сама не член партии Ленина, когда все мой одум, все сверстники давно в партии, а я нет. Все мне казалось, что я мало раба, рабство не все понимаю, да и ребята были малы, а сейчас я обязательно вступлю в партию... Муж мой погубил за Родину, и был он член партии, и писал мне с фронта: «Если я, Евгения, погублю, то знай — за нашу Родину, за партию». А я почему-то до сих пор не вступила. Стыдно мне, но я все это оправдала по-

старшее, и если погуб муж, то мы с сыном его заменим в рядах партии Ленина, постараемся изо всех сил это сделать и до конца доблестно, быть полезными, хоть маленькую выполнять работу партии и этим продолжать дело Владимира Ильича Ленина».

Посещая дом Ленина 23 августа с сыном старшим. Он хочет вступить в комсомол, и он сказал «Сейчас мы идем в комсомол, а потом в партию. И мы это сделаем».

Записала свое впечатление, и свои чувства, и свои намерения жена погибшего фронтовика Е. М. Завьялова и сын Валерий Викторович Завьялов».

В этой исповеди выражены самые сокровенные мысли и чувства. Они говорят о глубокой любви народа к Ленину, о все возрастающей силе ленинизма, о великой организации роли Коммунистической партии, которая, точно галактический магнит, притягивает, сплачивает и ведет за собой советский народ по пути, указанному Лениным.

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА

Ленин любил усердно трудиться и умея отдыхать. Часто после напряженной работы он выходил за околицу села. Там по обеим сторонам тропежка в летние дни падал казался совершенно голубым от цветения дикого утриса. Промокнув в бор, его сосны растут попеременно с березами. На лесных полянах — клубника и открыт множество цветов — желтые лилии, крапива поны, в изнанку сияют колокольчики.

После осмотра музея мы направляемся по дороге прогуклу Ильича. Этой же дорогой весной 1898 года группа политических сыльников, съехавшихся в Шушенское к Ленину, направлялась в тяжелое село Ермаковское, где лежал прикованный болезнью к постели А. А. Ванев, чтобы вместе с ним обсудить написанный Владимиром Ильичем «Протест российских социал-демократов» против «кредит русских оппортунистов». По воспоминаниям участника, нам живо представляется картина этой поездки: Владимир Ильич, свесив ноги в прищуренный глаз, сидит на переднем телеге. Он по памяти велел партию игры в шахматы один против двух — Старкова и Лещенковского, который на следующий телеге, сошедшему над захватной доской, обдумывает, какой бы сделать ход поковарнее...

Мы посещаем نابольные места охоты Ленина. Вот дубрава Журавлиная горка. С ее лесных холмов хоромы видна голубая цепь Саянских гор... Уходя из леса в лес. Какая тут тишина! Дремлют зевковые сосны. На кустах шиповника кровавыми калинами рдеет ягода. Березы уже трогают дымящие осени, и они стоят в золотом убранстве, розя первые отмирающие листья... Кто-то из экскурсантов, погруженный в раздумье, тихо на разные мотивы пробует начать поэму, которую любил напевать Ильич в дни ссылки:

То не зверь голодный завывает,—
Дико рычалась пруга;
В реве брел уже злодейский,
Хочет торжествующий враг...
Смею, друг, смею!
Мы над долей злой
Пестрей поемсея
Удалой!

Эту поэму считали революционеры, отдавая семуку в снежной Якутии, и прислали Владимиру Ильичу в Шушенское. С одобрением «Протеста российских социал-демократов»

Тропка приводит нас к шалашу. Сооруженный из бревен и обожженный снаружи дерном, он стоит на песчаном холмике под сенью сосен, там, где полоса леса обрывается и начинается заросшая камышами и травмами заболоченная низина. Вдоль брошенные зеркала, блестят небольшие озера — пристанище диких уток. Шалаш восстановлен недавно по рассказам стариков. В таком шалаше отдыхал, а иногда и ночевал Ленин, делавший километровые прогулки с ружьем за плевками. О таких прогулках Владимир Ильич писал матери:

«Охотой я все еще продолжаю заниматься. Теперь охота гораздо менее успешна (на зайцев, тетеревов, куропаток — вода еще для меня охота, и я потому должен ее прерывать), но не менее приятна. Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынче редко же редки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям. Ходы большой частью вместе с Промышским; беру козылку собаку, которую и привычка ходить с собой, в которая имеет некоторые (нобольше, правда) охотничьи способности. Завел себе свою собаку — вода пещера у одного зеленого знакомого, в надосея к будущему лету выпустить и воспитать его; не знаю только, хороша ли выйдет собака, будет ли чутче... Распознавать это я не умею, а по присказке моего «Пегаса» составить вполне определенного мнения о его качествах нельзя».

Любимое место охоты Ильича — теперь заповедник. Он занимает площадь более пятидесяти гектаров. Никто здесь не рубит деревья, не нарушает то, что напоминает о любви и близком народу человеку.

ПОПЕКА СПУСТА

Минуту больше полувек с той поры, когда в Шушенском жил Ильич.

Много нового появилось здесь после революции. Электростанция, клуб, библиотека, школы, сельскохозяйственный техникум, радиотелецентр, телефон, четыре библиотеки, в которых насчитывается тысяч сортов томов, — все это внесло значительные перемены в жизнь крестьян.

Воздух ярко брошен в глаза черты нового Ильича, сведенного анимом стало внутреннее содержание живых крестьян — и экономика, и культура, и быт, и привычки стали другие, наши, советские, социалистические.

Комната во второй квартире В. И. Ленина в с. Шушенском.

Мы спросили председателя колхоза: — К кому бы из колхозников зайти посмотреть, как живут?

— К кому жет? — Он подумал немного и сказал: — Да заходите в любой дом, рады будут.

Заходя в первый встретившийся на пути дом. Крыльцо вымыто и высокблено, лежат подковылки, предуряджающие, что прежде, чем войти в это жилище, следует хорошенько вытереть обувь. Хозяин дома — колхозный кузнец, его жена — дворка.

— Промодите, промодите, — приглашает хозяйка, открывая дверь в горницу. — С далекой стороны прискажи? Лениские места посмотреть? Много народу ездят к нам, в Шушенское. Кузнец приглашает радио, включает свет и,

прежде чем успеваем спрыгнуть его о жизни, забрасывает нас вопросами. Он интересуется решительно всем: и Москвой, и странами народной демократии, и тем, как идет борьба за мир.

В Шушенском было два колхоза: имени Ленина и имени Крупской. Теперь они объединены в один колхоз. Земля обрабатывается тракторами и комбайнами МТЗ, полевые работы механизированы более чем на 95 процентов. Хозяйство укрупненого колхоза многоотраслевое. Наряду с полеводством хорошо развито животноводство. Здесь разводят толокнуху, овец, высокопродуктивные породы молочного скота.

До Великой Отечественной войны фруктовый сад был только в колхозе имени Ленина. Он занимал три гектара. Многие пушенинскитяне скептически смотрели на эту затею: никогда в этом краю не росли яблоки. Но когда сад зашел, на деревьях появились первые яблоки и размером их величина с добрый кулак, в колхозе имени Крупской завладел:

— Это что же, у ленинцев яблоки, а у нас одна картошка?

И колхоз имени Крупской завлажил сад на тринадцать гектаров. Теперь урученный колхоз имеет большие фруктовые сады и пастуха.

На пушенинских колхозной земле, где давно изложены грани между лучшими землями кулаков и «лесками» бедноты, люди трудятся дружно, усердно и с великой любовью. Здесь особенно ярко видна, как воплощаются в жизнь ленинские заветы о социалистическом переустройстве деревни.

Чем ближе знакомимся с селом, тем ярче выступают его новые, социалистические черты. Сельские интеллигенты Шушенского — учителя, врачи, агрономы, зоотехники, медработники, дорожные техники, инженеры и техники-строители, работники советских, партийных и культурно-просветительных учреждений — составляют мощный отряд до четырехсот человек. В селе — двести пятьдесят коммунистов, две комсомольские организации. Почта ежедневно доставляет пушенинцам около тысячи экземпляров газет, около семикот экземпляров литературных и политических журналов.

Под пушенинскими крышами бурно кипит новая жизнь. Ленинские идеи пустили глубокие корни в сознание крестьян, колхозный строй утвердился в идеологии деревенской молодежи. Широко и умно смотрят пушенинские крестьяне на все, что его окружает: на природу, на дела своего колхоза и своего государства, на то, что происходит в мире. Нет, это уже совсем не те крестьяне, которые

окружали Владимира Ильича в годы его жизни в Шушенском. Из пушенинцев, знавших Ленина лично, почти никого уже нет в живых, но их дети и внуки по своему сознанию стоят неизмеримо ближе к Ленину, чем столетиями старик, лично знавший великого вождя.

БУДУЩЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СЕЛА

От прежней двоякой, приравленной страшной отдаленности и отсталости жизни в этом сибирском «стартараре» не осталось камня на камне. О старой Шуше напоминает только еще не совсем изменившийся внешний облик села. На старые избы, что стояли в годе, когда здесь жил Владимир Ильич, время наложило свой отпечаток: они постарели, тесовые крыши похрустали зеленью. Зато под крышами жизнь помолодела. И как помолодела!

Тесно становится нынешним жителям Шуши под старыми ее крышами. Шушенинцы принялись за обновление села. Они хотят сделать так, чтобы внешний вид его соответствовал богатому внутреннему содержанию жизни.

Начем план благоустройства Шушенского, предусматривающий коренную перестройку села. Он уже превратился в жизнь.

Архитекторы и планировщики, специально приезжавшие из Москвы, составили проект планировки и застройки улиц, сделали чертежи и рисунки будущих зданий.

Пройдет еще несколько лет — и в старом облике исторического села останутся лишь воспоминания. В центре Шуши, возвышаясь над всеми зданиями, будет стоять восемнадцатиметровая статуя Владимира Ильича. От этого памятника по направлению к парку сельскохозяйственного техникума протянется широкий сквер с фонтаном. Большие каменные здания украсят улицы новой Шуши.

Будет воздвигнут новый, каменный Дом Советов, вступит в строй Дом печати, в котором разместятся редакция и типография районной газеты «Искра Ильича», открыта гостиница для приезжающих в исторические ленинские места. В номерах и обжитых гостиницах экскурсанты найдут все удобства. Досягаются Дом связи и здания школы-десятилетки, строится Дом культуры с двумя залами: кино и театральными. В селе уже построено более сотни новых жилых домов и заложены фундаменты десятков других зданий. На окраине села возводятся корпуса молочноконсервного завода.

На реке Ю сооружается колхозная гидроэлектростанция. Через Шушенку в районе села

Шушани на берегу озера Перово, где отдыхал В. М. Ленин во время ссылки.

будут переоборудованы два моста. За рекой, против Музея В. И. Ленина, начата посадка Шушенского парка культуры и отдыха, который займет площадь в пятнадцать гектаров. Комсомольцы уже выселили на улицах Шуши тысячи девятилетних деревень.

На кирпично-черепичном заводе, выпускающем полтора миллиона кирпичей в год, у извостковых печей, в каменных карьерах, где добывается мрамор и гранит для строек, вложено много труда людей, чтобы бесперебойно снабжать строительным материалом все растущий фронт перестройки исторического села.

Все будет переделано. Останутся навеки первыми только два домика, в которых жил Владимир Ильич. Они священные, как и все, что связано с именем Человека, принесшего счастье народу.

АНКИМ КРОНГАУЗ

ВЕЧНО С НАМИ

—Я не видел Ленина лично.
Помню лишь гулков дальнюю гуд
Да отца, что не сказав ни слова,
Лыдину со щекми своей смываю.

Но везет: на площади открытой,
В шумном сквере, над седой рекой —
Я встречаю на бронзе и гранита
Ленина с простертой рукой.

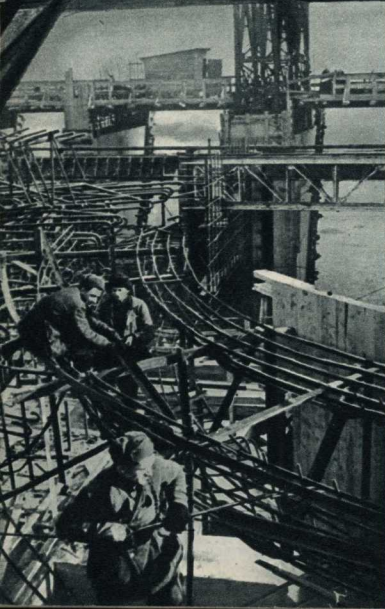
Помнится: мельканье тым и света,
Крик: «Вперед!» — и сразу в полулег
Взвляюсь знамя с ленинским портретом
Увид людям, приваившим к земле.
И парторг, застенчивый и скромный,
Первым встал, решительный такой,
Закричал: «Вперед!»
И всем напоминая

Ленина с простертой рукой,
Головы солдат повернули.
С силой оторвались от земли.
Побежали в рост, забыв про шум,
Будто бы за Лениным пошки.

Помнится: вена на Украине,
Ура, волна о камень бьет,
Гром работ на взорванной плотине
И орлов торжественный полет.
Над ударным воймом могучей,
Возрожденца на сердцу дорогой,
Сам гранитный, на гранитной круче
Заложены фундаменты будущей.
И вода днепровская, как и сказке
[Той минуты я не передам].
Повинуясь ленинской указке,
Светом потекла по проводам.

Помнится
...
[то было так недавно,
Что не стало песнею еще]:
Проводы перед дорогой дальней,
У порога свиданья с Ильичем.
Каждый мог увидеть над топом,
Кто привал к вагонному ошну:
Ленин дольше все махал рукою
Отъезжающим на цепину.

Ленин в нашем сердце, Ленин с нами
В каждой доле, каждый день и час.
Он живой — не бронза и не камень,
Никогда не помидет нас.
—Я не видел Ленина лично,
Только над речком и над строкой
Всюду вижу снова и я снова
Ленина с простертой рукой.
И в любое трудное мгновенье,
Где दौरю сразу не найду,
Я, по моей дороге направленью,
Не сбиваясь никогда с пути.

ПЯТАЯ ВЕСНА

У ЛЕГЕНДАРНОЙ КАХОВКИ

Недалеко от древнего русского города Вальмы, между лесистыми холмами Валдайских высот, берет свое начало Днепр. В истоках — это узкий, неглубокий ручеек. Он течет по русской земле, расширяясь, набираясь сил. Сотни притоков несут в него свои прозрачные родниковые воды. Все шире становится русло, расступаются перед ним дремучие леса белоруссии, и уже в украинские степи Днепр вступает полноводным исполином. Вот он приветливо плещется бирюзовой волной у высоких киевских круч. Вот он падает на могучие лопаты гигантских турбин Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. Отсюда течет дальше, к Каховке, на юг...

«Каховка!» Сколько памятных событий в жизни нашего народа связано с этим небольшим городком на Днепре!

Но не только была слава привлекает сейчас мысли и чувства советских людей к этим легендарным местам: пятый год на левом берегу Днепра идет грандиозное строительство Каховского гидроузла.

На великую днепровскую стройку съехались патриоты со всех уголков нашей необъятной Родины. Здесь трудятся рука об руку русские и украинцы, белорусы и грузины — посланцы всех братских республик.

САМЫЙ ЮНЫЙ ГОРОД

Первая партия строителей пришла сюда ранней весной 1951 года. С тех пор здесь произошли большие перемены. На том месте, где не так давно гулял степной ветер да взвирялись зыбучие пески, выросла Новая Каховка.

Как красив на фоне синего южного неба этот самый юный украинский город! Над ним поднимаются высоко ажурные мачты электропередачи. Линия перешагнула через Днепр, и провода, поблескивающие на шестидесятидвухметровом высоте, образуют грандиозную триумфальную арку, под которой к причалам Новой Каховки проплывают пароходы.

Вдоль улицы Сталина — центральной магистрали нового города — возвышаются многоэтажные дома, одетые в светлую керамику. Недалеке раскинулись зеленое поле стадиона «Энергия на 4 тысячи мест. А на самом берегу Днепра выделяются оригинальной архитектурой Дворец культуры и летний театр. Здесь есть также три средние школы, учебный комбинат, музыкальная школа, Дом связи, энергетический техникум, филиал Одесского гидротехнического института, в котором без отрыва от производства учатся более 250 юношей и девушек — строителей.

Когда идешь сегодня по асфальтированным улицам Новой Каховки, невольно вспоминается тот знаменательный день, когда первые строители — коммунисты Иван Новиков, Петр Ковалев, Иван Руденко, комсомольцы Рая Кирова, Виктор Чувпыло и многие другие — закладывали фундамент города.

Это было 21 апреля 1951 года... После того как бригады комсомольско-молодежной бригады Виктор Чувпыло торжественно доложили об окончании сборки первого дома, возник вопрос, как назвать новый город. Предлагались различные названия, и строители много спорили, на каком остановиться. Пришлось вмешаться в спор мастеру электромонтажных работ Новикову. Все знали, что

В социалистическом соревновании за досрочный пуск Каховской ГЭС больших успехов добилась комсомольско-молодежная бригада Павла Кунжиль. На монтажных работах эта бригада показывает образцы высокой производительности труда.

Василий Григорчук улыбается... Славно потрудились бетонщики, его бригады! Они завоевали одно из первых мест в социалистическом соревновании.

Для строителей Каховской ГЭС созданы благоустроенные общежития. В уютной обстановке отдыхают после трудового дня мастер участка земляных работ комсомолец Валентина Паничева и ее подруга диспетчер Раиса Переверзева.

Иван Григорьевич принимал участие в боях на Каховском плацдарме и в один из сентябрьских дней 1920 года подбил на этой земле два английских танка. Каждый дорожил мнением мастера, к его слову прислушались.

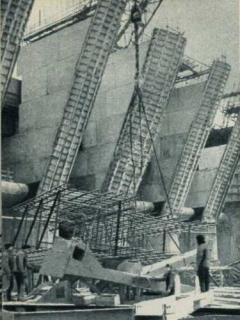
— Давайте назовем наш город Новой Каховкой, — предложил Иван Григорьевич. — У старой Каховки большая слава, а у Новой должна быть новая, еще большая!..

С этим убедительным доводом молодежь единодушно согласилась.

Города фактически еще не было, а первые участники днепровской стройки уже спорили о названии. И это не удивительно. Они твердо знали: что задумано партией, будет выполнено. Их вдохновляли слова великого Ленина о выдающейся роли электрификации страны в борьбе за построение коммунизма.

Дети многих строителей гидроузла учатся в Ново-Каховской музыкальной школе. На снимке: уроки игры на фортепиано.

Полным ходом идет монтаж 1-го и 2-го агрегатов. На снимке: монтажники за работой.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Рано просыпается Новая Каховка.

Когда над юным городом плывет перламутровый зеван крымских курганов, по синей глади Днепра уже мчатся речные трамваи и катера, а по широким улицам Новой Каховки вереницей движутся автомашины. Гидростроители едут к месту работы, в пойму реки. Сквозь утреннюю дымку тумана отливоно простирают контуры монументальных сооружений из бетона — судостроительного шлюза, здания гидроэлектростанции и водосливной плотины.

Сегодня пойма — передний край трудового наступления на Днепр. Огромный котлован, где возводятся основные сооружения, глубоко врезался в древнее русло Днепра. На этом самом месте 17 апреля 1952 года мощные электрические земснаряды вошли в забой, а через год бригада Василия Демченко укладывала здесь первые кубометры бетона.

С тех пор прошло уже два года. Но до неузнаваемости преобразилась за это время каховская стройка. Во всем своем величии встает перед нами в синице весеннего солнца судостроительный шлюз. В день рождения великого гения человечества В. И. Ленина он примет первые караваны судов. Сейчас на этом участке заканчиваются монтажные работы. Самоотверженно трудятся бригады Василия Харитоновича и Александра Михайлова. Они уже смонтировали аварийные и рабочие ворота шлюза, окончили монтаж шестнадцатиметровых колонн Башон управления нижней головы шлюза. Несмотря на то, что им приходится работать на огромной высоте и в самых неудобных положениях, они, как правило, идут с опережением графика и все задания выполняют с отличной оценкой. Во всеосознанном социалистической соревновании молодых гидростроителей эти передовые бригады завоевали переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ.

Первый пусковой объект — шлюз — справедливо называют молодожанам.

Василий Шульга и Василий Демченко пришли на стройку из армии. На их солдатских гимнастер-

ках поблескивали комсомольские значки. За два года они овладели специальностью бетонщиков, стали бригадирами, коммунистами. Плотники Михаил Азаренко и Александр Попов, электросварщик Александр Киселев и многие другие молодые строители шлюза, самостоятельным трудом завоевали всеобщее уважение и почет среди ординарного коллектива днепростроевцев.

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Близость от плотин возмещает здание гидроэлектростанции. Его высота равна пятнадцатитажному дому. Если, держась за металлические прутья арматуры, спуститься с железобетонной эстакады вниз, в один из проемов здания, то очутиться как бы внутри широкого круглого колодца с бетонными стенами. Это один из камерных помещений камер, предназначенных для турбин.

Пока гидростанция еще не готова к пуску. Но уже скоро в камеру через специальные проемы, разделенные железобетонными бычками, устремится вода Каховского моря. Стремительными потоками ринутся они в широкую трубу. Громоудную энергию гидротурбины превратят в электрический ток.

...Сверху, с арматурных конструкций, как золотые звезды, сыплются искры электрической сварки. Комсомолец Ренс Донский, примотившись на краю стальной металлической конструкции, сваривает семидесятидвуметровый стержень с железной пластиной.

— Вы обратите внимание на ее работу. Какова точность! — восклицает прораб Каченко.

Как и комсомолки Анна Лещева, Луиза Одюченко, Валентина Алтухова и десятки других девушек-электросварщиц, Ренс Донский систематически перевыполняет свои сменные задания, работает с комсомольским огоньком.

Недавно в Новую Каховку харьковичи прислали первую турбину. Это вызвало среди строителей гидроузла новую волну трудового подъема. Передовые бригады плотников Ивана Лукаша, Леонида Перельченко, Николая Беликова, бетонщиков Дмитрия Москалева и Григория Кляченко обязались пустить в этом году не два, а четыре турбины. Свое слово они подтверждают делом.

У строителей плотины наступила горячая пора: 3 мая начнется затопление большого котлована основных сооружений. Заканчиваются последние работы по монтажу опорных частей затворов, которые будут сдерживать напор воды.

На Каховской стройке — пятая строительная весна. Эта весна будет самой радостной. Строительство вступило в пусковой период. На каждом участке идет борьба за наращивание темпов, за высокое качество работ.

На первом этапе борьбы за досрочный пуск Каховской ГЭС — молодежь, почти двухтысячная армия комсомольцев.

Евг. ГИНКУЛ, Мих. БУРИБА

Новая Каховка.

Николай ЖДАНОВ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Рассказ

Познакомился я с Александром Степановичем на строительстве Кубышевской ГЭС. Он, как автор многочисленных исследований по вопросам электрификации, действительный член Академии наук, не раз бывал и на Ангаре, и на Иртыше, и в Каховке, и в других местах, где создаются новые мощные энергетические базы нашей страны. По каким-то важным вопросам, требовавшим консультации ученого, Александр Степанович прибыл и в Жигули.

В реальных сапогах и брезентовой куртке он ходил от одного бетонного блока к другому, не обращая внимания на шипение сварочных аппаратов, рокот бетонососов и виброботов, удары паровых котлов и огромные шестиступенчатые узлы арматуры, плывущие по воздуху в кюветах высоких кранов.

До сих пор при словах знаменитый учитель мне склонны представлять себе эталон почтенного старца в черной академической шапочке. Поэтому я очень удивился, когда вначале участка, знакомым мне с Александром Степановичем, назвал его фамилию.

На вид ему можно было дать не более сорока — сорока пяти лет. Смуглое от загара, обдерганное

лицо, рабочая кепка, брезентовая куртка делали его похожим скорее на прораба, чем на академика. Александр Степанович мне очень понравился.

Я был искренне обрадован, когда несколько дней спустя после первого знакомства встретил его совсем неожиданно на палубе парохода, с которым возвращался в Кубышев.

Был вечер. Солнце уже зашло. Отражаясь в спокойной поверхности могучей реки, медленно потухала зари. Мы шли на плетевой дивачик, стоявший на валузе, и долго молча следили за уходящими от нас Жигулями. Потом начался разговор о будущем Волги, и я заменил, к слову, что у электрификаторов хорошая профессия.

Он, не отвечая, все смотрел на одну точку звезды, засветившуюся в глубине реки, и, казалось, о чем-то думал.

— Да, профессия хорошая, — проговорил наконец Александр Степанович. — Что же касается меня, то всем, что я сделал в деле, я считаю себя обязанным непосредственно Владимиру Ильичу.

Академик замолчал, но чувствовалось, что он хочет сказать еще что-то важное, и я сидел, не дви-

гясы, боюсь, чем-нибудь помешать его раздумью.

Наконец он заговорил снова: — В моей жизни получалось так, что обстоятельства дважды столкнули меня с Ильичем. Был я тогда совсем еще, как говорится, неоперившимся птенцом. Жил у тещи — солдатской вдовы — в деревне под Москвой. Родители мои умерли от тифа. Голодом было. Мы с приятелем моим тогдашним Андреем Сизовым все на огороду бегали в «Экономиню», к сторожу дяде Даниле. То ему хворосту для костра наберем, то чем другим поможем.

Однажды дал он нам по кочану капуста. Я скорее домой: «Вот тещушка обрадуется!» Бегу, гляжу: возок стоит на дороге, и тоже с капустой. Думаю: «Еще скажет кто-нибудь, что я кочан стащил», — и скорей шмыг с дороги в кусты.

Гляжу: выходит из-за елочки возчик. В брезентовом плаще и распылку, с кнутом за голенищем. «Ты что, соранец, с возом возвратиться задумал?» Да ко мне. Я зажал кочан подмышкой и что было духу в лес. Он за мной. Схватил за рукав и дернул так, что я упал, выронил капусту.

Но я сразу вскочил, бросился животом на кочан, вцепился, дернул и не то руку, не то руку от боли, обиды, несправедливости.

А возчик тоже, видно, вошел в раж: схватил кнут да как вытянет меня по спине. «Я тебе покажу», кричит — как брызганчик!

Вдруг слышу: — Это что за экзекуция? Голос гневный, твердый. А тут еще и слово такое незнакомое.

Возчик ошелев, вымиралось. Я тоже ошелев, сел. Вязку: стоит человек с ружьем за плечами, видно, охотник. Руки засунули в карманы брюк. Лоб нахмурился, и глаза такие суровые, садятся его как не в ружье и не в руках, а вот в этом взгляде.

— Капусту с воза украл, — еще сердито, но уже как бы оправдываясь, проговорил возчик. — Ну так вроде, конечно, но тоже ведь нельзя так спускать, учить надо.

Трудно передать, какое горькое чувство овладело меня.

Он хитро нет! Не крад я! Мне дедушка Данила дал! Скоротку от восторга. Провалились мне сквозь землю, если не так! — закричал я.

Обида душила меня. Чертю! — прикрикнул на меня возчик. — Вон воз на дороге стоит!

— Все равно не крад! — И я заплакал навзрыд от отчаяния.

— Не плачь, — сказал охотник, — встань, вытри слезы.

Говорил он мягко и в то же время властно.

Он помог мне встать, и сам поднял меня кочан.

— Это кто такой дядя Данила? — спросил он.

— Сторож с «Экономиню». Я ему хворост тащил, и Андреем Сизов тоже, он нам обоим по кочану дал.

— Да врет он, — сказал возчик менее уверенно.

— Подождайте, как васзовут? — Да что вам? Ну, Митрофанозову.

— А по батюшке? — Ну, Савельичем.

— Так вот, Митрофан Савельич, вы совершенно убеждены в том, что не обманете? Вы проверяли? Наконечное — это, в сущности, тоже преступление. Не

справедливость всегда обидна человеку.

— Так вот же они, возок, стоят, посмотрите — растерянно повторил возчик. — Сам же я капусту возу.

— Но ведь не вся капуста на свете находится на этих возках. Есть тут «Экономиню», есть дядя Данила?

— Есть-то есть, — протянул возчик.

Мы все вместе вышли на дорогу. Страсти постепенно угмонились. Я уже не плакал. Возчик тоже успокоился. И охотник продолжал уже без гневной нотки в голосе:

— Видите ли, Митрофан Савельич, справедливость в каждом, даже маленьком деле — это одно из главных завоеваний нашей революции. Ведь правда? Ведь наша сила именно в справедливости. Не так ли?

— Справедливость, она, конечно, нужна, — соглашался возчик. — Без нее разве можно?

На дороге охотник с нами прощился. Отдал мне кочан и опять пошел к лесу. Мы оба долго смотрели ему вслед.

— Это кто же такой? — спросил возчик. — Что-то вроде как лицо его мне знакомо.

Я, разумеется, не знал и молча рассматривал ошарашанную при падении боковую ступню.

— Ты подорожник привижки, — посоветовал возчик, — затаят, а то засорилшь еще.

Прядя домой, я вручил тещушке залопученный кочан и, помня совет возчика, привязал к парашине по дорожнику. Нога моя быстро зажила.

Вскоре после этого Андреем Сизов завладел нами в бывший господский парк обследовать старые дупла.

Но сторож нас шуганул от туда. Мы пошли на ручей, набрали сухих сушек, развели костер. Сидим под вербой у огонька, греемся. Смотрим: идут от усадьбы через поле двое. Один высокий, в плаще и шляпе, а другой плотный, в кепке, в курточке с карманами и руки

назад держит. Прошли близко от нас, ничего нам не сказали, между собой разговаривали. А когда вооружались, к нашему костру повернулись.

Высокий говорит: — Как, ребята, примете погреться?

Мы, конечно, молчим. Не жалко нам, да стесняемся.

Подходит они. Высокий начал сухие ветки обламывать и в костер класть.

— Люблю, — говорит, — огонь, часами могу на него смотреть.

А другой присел на чурочку, потрепал волосы и вдруг говорит:

— Да ведь мы, кажется, знакомы?

Я смотрю, он улыбается, и в глазах у него веселые такие искорки так и мучаются.

— Не узнаете? — спрашивает. — А кемземель, обидя нас с Андреем за плечи и так все и сидел на чурочке.

Потом высокий поднялся, проговорил из-под руки vállы и проговорил:

— Велика Россия! И хорошо сказал про нее тот один: «Россия, слово-то какое — и роса в нем, и сила, и синее что-то».

Я хорошо запомнил эти слова, должно быть, потому, что как раз посмотрел на дальнюю полосу леса и подумал, что действительно так там авдали что-то синее-синее.

Они возвращались с нами и ушли. А вернувшись в деревню, я узнал из разговора взрослых, что в бывшее имение приехал из Москвы Ленин, что он уже ходил на охоту и что некоторые из наших мужиков разговаривали с ним, даже один пожаловался: «В лесах ничего нет, купить ничего нельзя», — и что Ленин сказал: «Вот когда пустим фабрики, все у нас будет».

После этого стал я думать, уж

не Ленин ли это был с нами у костра.

И когда мне показали его портрет, я сразу узнал чужд сошуренные, ласково-внимательные глаза, недавно смотревшие на меня.

Узнал я потом, тоже по портрету, и Горького, что был тогда с ним.

Кстати, в известных воспоминаниях Горького о Ленине есть одна фраза, на которую вы, быть может, не обратили внимания. Он там пишет: однажды в Горках, лаская чужд детей, Ленин сказал: «Вот эти будут жить лучше нас... Ну, и так далее. Когда я читаю это место, мне всегда чудится: это про нас с Андреем».

Александр Степанович как-то неожиданно замолчал, нахмурился и добавил тихо:

— Андрей Сизов командовал партизанским отрядом в Белоруссии. Там и погиб в бою...

Большие в тот вечер он не сказал ни слова.

Вернувшись из командировки домой, я достал с полки томик Горького, раскрыл воспоминания о Владимире Ильиче и нашел то место, о котором упоминал Александр Степанович в своем рассказе.

Вот оно: «...однажды, в Горках, лаская чужд детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас, многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой».

И, глядя в даль, на холмы, где крепко села деревня, он добавил раздумливо:

— А все-таки я и завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынуженная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет по-ноту, все!

Летей он ласкал осторожно, какими-то особенно легкими и бережными прикосновениями.

ЗАРЕ НАВСТРЕЧУ

А. Бужинский
НА ПЕРВЫХ
СЪЕЗДАХ
КОМСОМОЛА

ТОБЯТСКИЙ РАЙОН
1959

На полках наших библиотек, к сожалению, очень мало книг по социальным истории Ленинского комсомола. А такие книги нужны, очень нужны! Их ждет молодежь, которая хочет знать славное прошлое ВЛКСМ, его боевые традиции.

Юности, «обдумывающие жизнь», мечтающие «сделать бы жизнь с кого-то с горячим интересом встречают каждую новую книгу о том, как проходила юность их отцов. Они черпают вдохновение в подвигах тех, кто завоевывал счастье для народа на октябрьских баррикадах, на фронтах гражданской войны, кто строил Магнитку и Днепрогэс, кто штурмовал Берлин и откачивал воду из затопленных шахт Донбасса. Во всем и всегда комсомолю был верным помощником Коммунистической партии. История комсомола — история славных дел и многоиспытанных подвигов, которые совершила руководимая партией советская молодежь.

Этой благородной теме посвящены выпущенные Госполитзадом очерки А. Безмяниного «На первых съездах комсомола». Они рассказывают о рождении Коммунистического союза молодежи, о его росте, о той великой заботе, которую проявляет о молодежи наша партия.

Книжка открывается очерком «Делегата I съезда РКСМ у В. И. Ленина».

«29 октября 1918 года. Идет заседание I Всероссийского съезда советских рабочих и служащих комсомола. Под бурные овации делегатов и гостей почетным председателем избирается Владимир Ильич Ленин. Президентом объявляет Ленину залу съезда с просьбой принять делегацию съезда. И вот приходит ответ, глубоко волнующий и радующий: Ленин назначил день и час приема.

Далее автор вспоминает: «Долгожданный час встречи настал. Владимир Ильич встретил делегацию у самого порога и с каждым поздравлялся за руку... Он всеюду поворачивался к молодежи товарищи! Рассказывайте! Обязательно рассказывайте! Берите стулья, придвигайте поближе. Ну, девушку мою, конечно, посадишь в кресло. Тыщите кресло сюда... Будьте хорошими кавалерами...»

Этот маленький эпизод с краской прозвучал как незабываемое впечатление. В словах Владимира Ильича, хотя и произнесенных в шуточной форме, проявилась одна из органических черт его характера: уважение к женщине. Поняв это, все с таким усердием постарались оказаться хорошими кавалерами, что едва не повредили ковровую дорожку.

Товарищ Ленин тоже двигался по комнате, ласково оглядывая растерявшихся посланцев молодежного съезда. Он сел на свое плетеное кресло у стола и попросил рассказать о всем, что нам представляется необходимым.

Потом Ильич задавал вопросы. Они были самыми разнообразными и порой неожиданными: есть ли керосин в издательстве? Учится молодежь, стреляет? Помогает ли женщинам красноармейцев? Как участвует в податни производительности труда? Как веселится? Есть ли инструменты для самодельных оркестров? Катается ли молодежь на лодках? Помогает ли она чекистам? О чем молодые люди спорят, дискутируют?..

Когда речь заходила о жилищной недостатке или вредном явлении, Ильич тут же спрашивал: а что сделано для искоренения этого недостатка или зла? «Наличие препятствия вызвало в нем немедленную реакцию: действовать! Не читать лекции и издательство! Добудьте! Кто-то не выполняет советских законов? Сообщите, разоблачите, добейтесь снятия ареста, наказания! Обнаружили коррупцию, разоблачите, сообщите, изобретайте, искореняйте зло и недостатки, поддерживайте каждое хорошее начинание, доводите все до конца!»

Делегаты правильно поняли намерения своего начальника, ведь надо работать, надо во всех делах проявлять комсомольскую инициативу!

В очерках «На I съезде комсомола», «Октябрь, 1919 год» рассказывается о первых шагах после первых шагах только что созданных комсомола.

Комсомольцы доказали свою преданность партии, преданность делу коммунизма на фронтах борьбы с белогвардейской и иностранными интервентами.

Второй съезд комсомола проходил в суровые и грозные дни. Финский взвод Ворончих. Орел и уже подошла к Туле... Шли жестокие бои. Социалистическое Отечество было в опасности.

Делегаты приняли решение провести съезд в три дня вместо намеченных семи, надо было торопиться. Съезд постановил: мобилизовать в армию в прифронтовой полосе 100 процентов комсомольцев, а во всех других организациях РКСМ — 30 процентов.

«Четким строем выдвинулись впереди делегаты II съезда комсомола. Питерцы заглушили песню — и все за подхватили.

Смело мы в бой пойдем
За идею Советов!

И всех врагов побьем
В борьбе за это...»

Самое большое место в книжке занимает очерк «В. И. Ленин на III съезде комсомола». В нем наиболее ярко встает образ Ильича — учителя и друга советской молодежи.

Читая строки воспоминаний, мы видим перед собой зал съезда: «Всюду серые шинели и черные кожанки. Гардероба здесь не было, к тому же в зале несколько часов назад было холодно и большинство делегатов сидело в верхней одежде. Вначале многие даже не потрудились снять пальто, диковинные куртки и приплюснутые штаны. Потом стало значительно теплее, пальто и куртки исчезли, но снимать шинели и кожанки комсомольцы не торопились... может быть, для того, чтобы не утратить боевого вида.

А вы у них был действительно боевой. Большинство только что вернулось с фронта или готовилось отправиться на фронт.

Съезд начал Ленин. Ильич пришел внезапно и прошел на сцену так быстро, что товарищи, сторожники у входной двери, не успели опередить его.

«...делегаты сидели в угол съезда, а Ленин — в центре. Хотелось рвануться вперед, чтобы быть ближе к невысокому улыбающемуся человеку, одетому в темное пальто с черным бахромчатым воротником. Хотелось сделать что-то героическое, вот тут, вот сейчас, чтобы понял он, как мы его любили. Хотелось кричать, чтобы вызвать переполох: ведь это существо существо... Овацция зала была нескончана...»

Перед заседанием делегаты много спорили: о чем будет делать доклад Ленин — о международном положении, о текущем моменте, о дискуссии в РКСМ, о положении на фронтах? Но то, что услышали сидящие в зале, было для всех неожиданным.

«Товарищи», — сказал Ленин, — я никак хотел бы сегодняლობоездаться на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организационные требования в социалистической республике вообще.

«Делегаты благодарно переаглюлялись. Задачи Союза молодежи казались им хорошо известными: надо хорошо буржуйчить Билли Краснова, билли Колячкова, Юденича, Денникова, билли польских панов. Кто еще надо бить?»

Но Ленин имел в виду не это. Он сказал:

«...задача состоит в том, чтобы учиться.

Последнее слово, учиться, Ленин произнес как-то отдельно от остальной фразы, строго и твердо.

«...задача был потрясен», — вспоминает автор. — «Нельзя было

не сделать резкого движения, услышать такое необычное в ту пору слово! Надо было перестроиться, усвоить новую тему и вдуматься в нее. Уж слишком неожиданный была эта новизна тем! Надо учиться! Но почему об этом заговорил именно сейчас? А фронты? А разруха? Неужели главная задача Союза в том, чтобы учиться?»

Ленин продолжал: «...коммунистическую молодежь и все молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

«Общественно делегатов почувствовали облегчение. Учиться просто учиться. Сидевшим в зале казалось, что лучший способ учиться коммунизму — это быть буржуйем на фронте. Но к же удивлению Ильича Ленин не свиревал в это русло. Ленин стал говорить о том, как надо учиться, какие знания усваивать, чему учиться, что брать и что отбрасывать. И вот в зал летят пламенные слова:

«...Коммунизм стать можно лишь тогда, когда обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Затем дыхание, слушали делегаты Ильича.

«На крохотном свободном пространстве сцены, являвшиеся в эту минуту залом высокой вышки мира, стоял человек с чуть прищуренными глазами. Он простер руку вперед и сказал, что поколение, которому теперь патнадесят лет и которому предстоит жить в коммунистическом обществе, должно все задания своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала проблем, которые ты или мою задумку общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

Впервые в Ильичу, который готовился сказать на заседании, подошла королевский делегат: — Владимир Ильич! Неужели я...? учнику коммунистического общества?

Глава Ленина засмился.

«Овацция да да!» — сказал он громко и zvolнованно. — «Вы Именно вы, дорогой товарищи!»

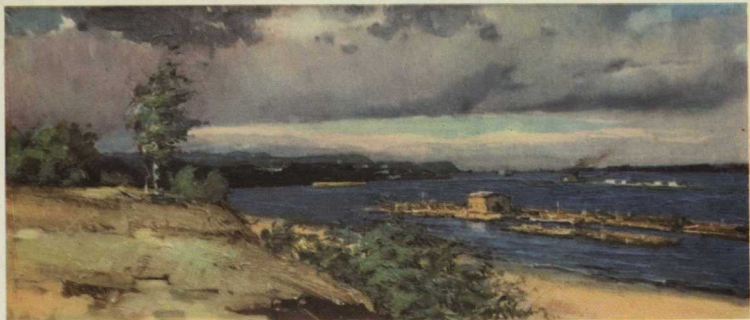
Разъезжаясь по местам, делегаты ясно видели перед собой программу действий. Ленинские слова возмужали им в борьбе, вдохновили миллионы юношей и девушек на доблестный труд. Еще более уверенно и твердо شو молоде поколение вперед, заре навстречу.

Прочтая очерки о первых съездах, комсомолец представит себе картину тех лет, ознакомится с несколькими страницами героического прошлого ВЛКСМ, узнает живые факты о том, какое огромное внимание уделял Владимир Ильич молодежи, какие задачи он ставил перед ней. Этот молодой читателем еще ярже встанет перед ним величие подвига, имя которого носит комсомолец.

Вручение комсомольского билета... Самый волнующий момент в жизни молодого человека! Вместе с комсомольским билетом, на котором изображен силуэт Ленина, в жизнь входит огромное чувство ответственности, радость приобщения к героическому комсомолу. Тысячи и тысячи юношей и девушек ежегодно вливаются в ряды Ленинского комсомола. На снимке: секретарь Куйбышевского райкома ВЛКСМ Москвы Ю. Верченко вручает комсомольский билет ученице 8-го класса 657-й школы Светлане Бузатовой.

Фото Г. Борисова.

Н. Климашин. «Перед дождем» (масло).

Выставка произведений художников РСФСР 1954 года.

В. Палимпстов. «Весенний вечер» (масло).

Выставка произведений художников РСФСР 1954 года.

Н. Мазуренко. «Полустанок «Онежская»» (масло).

Выставка произведений художников РСФСР 1954 года.

МТС ВЫШЛА В ПОЛЕ

Д.М. РУДЬ

Слова, поставленные в заголовок, принадлежат не нам. Они услышаны на Оресидине, в Суворовском районе, из уст диспетчера Измайловской машинно-тракторной станции Николая Ступина.

Часовая стрелка уже перевалила за десять, нога автомашины с Тартароуского шоссе свернула вправо, на дорогу, ведущую к селу Софьяны, и вторая машина открылась усадьбы этой МТС.

Уже расплывшаяся, застроенная просторными свежесоборными зданиями и опоясанная ирригационной оградой в рост человека, она еще издали производила впечатлительное впечатление.

Но вот массивные въездные ворота. Еще метров пилотажа, и мы в конторе станции.

На первой же двери, что против самого входа, табличка с надписью «Диспетчерская», а под ней вторая — «Посторонний вход воспрещен». Однако именно сюда мы первыми двинулись и стучимся. Кто же, как не диспетчер, знает, где в данный момент находится начальство? Мало вероятно, чтобы в такую гоучную пору да еще в столь поздний час руководители МТС были на месте.

Так и есть.
— Скажите, директор тут?
— Нет.
— А главный агроном?

— Его тоже нет.
— Так, может быть, секретарь района по зоне МТС на месте? И его нет. Все еще затевоно размахались по бригадам, так сказать, на передний край. МТС вышла в поле.

Мы представились и спросили Николая Ступина, что он как в таком случае посоветует.

А здесь наш агроном-плановик. Мы пока беседуем с ним, — сказал диспетчер. — Посмотрите востерско, нефтехранилища. Если можно так выразиться, ознакомьтесь с тилом посевной, а тем временем я по радиотелефону разлучу директора, секретаря района или главного агронома и свяжу вас с ними.

Разговор с плановиком, вопреки всем предположениям, оказался на редкость занимательным. Мы, грешные дела, ознакомились, что нас забросают цифрами. А Николай Тимофеевич Середы, отнюдь не злоупотребляя нами, рассказал удивительно интересного. Агроном-плановик гордится главным образом о новов, о характерных особенностях нынешней весны, и не в условиях погоды, но в агрономии, а именно в планировании.

Что же новов и примечательным в этой области отмечена весна 1953 года? Николай Тимофеевич обращает наше внимание на стопку споросшивателей. На сореннике каждого из них — название колхоза: имени Ильича, «Путь коммунизму», «Большевик», «Прогресс», имени Ленина...

Как раньше планировались посевные площади? — спрашивает агроном. Середы и сам же отвечает: — Были, но области дадут задание, мы же механически распределяли его по колхозам. А кому видней, что лучше, выгода посеять на той или иной земле? Не

Фото А. Моклецова.

← В кабинете Николая Тимофеевича Середы мы застали агронома Барзуду Андрееву Бойко и Елену Григорьевну Порохляниченко. Они уточняли посевной план по зоне МТС.

Председатель колхоза «Прогресс» В. Д. Ступин, агроном МТС и колхоза И. Д. Нищенко, секретарь райкома партии по зоне МТС И. Г. Халюкова интересуются ходом работ в 5-й тракторной бригаде, которой руководит С. Л. Пашенко.

области же, конечно, а колхозникам и трудится. Но они до недавнего времени в планировании фактически не участвовали. Вот и получались исторические колхозы. Сначала, яровая пшеница у нас из года в год не удавалась, а нам ее все время планировали. И колхозы вынуждены были ее сеять, хотя и не добывали против омовей с каждого гектара пудов по семидесяти — восьмидесяти. Кукуруза у нас идное урожаивое растение. Там не менее значения приходилось сеять яровые больше действительной потребности в нем. В общем, земля использовалась нерационально. С нынешней весны после известия вам постановления мы уже планируем по-иному — не сверху вниз, а, наоборот,

Один из других подъезжает автоконтракт и выгружает зерно МТС.

рот, снизу вверх. Первое слово дано колхозникам. В этих споросшивателях лежат планы, разработанные с нашей помощью самими колхозниками. Из колхозных планов складывается общий по всей зоне МТС. И вот что получается. Яровая пшеница мы больше не сеем. Пшеница под ячмень сокращается на сорн процентом. Зато под кукурузой она на треть увеличивается. Наконец, вводим у себя новую высокопродуктивную технику культуру — юнкую монолию.

Следует совету диспетчера, мы после беседы с агрономом-планови-

Вышел первый номер бригадного «Перца». Газета отсюда критикует винюшину отхода в работе. Колхозники и механизаторы тоскуют колхозом обступили витрину.

Вкусный обед приготовления бригады повара Ирины Дамаскина и Анулина Георгия.

Усадьба Измайловской МТС.

Побывав везде, где рекомендовал диспетчер, мы снова вернулись к нему. Он сообщил нам, что секретарь района по зоне МТС — в колхоз имени Молотова, на поле возле стана тракторной бригады Сергея Чеботаря.

Свободного транспорта не оказалось, добрался мы туда лишь часа через два и, конечно, уже не застал его там. Зато нам представилось возможным наглядно убедиться в том, что МТС действительно вышла в поле.

По промозглости ветра на волне подхваченной массой зноби прозорно ползал на ветрах пыльный гусь. Собой широченный сноп мезелесных бороз бригады Сергея Чеботаря спешила возможно быстрее «прикрыть» выгу. Ведь это так важно для урожая!

Но в сравнении с прежними обязанностями МТС стала несравненно шире и разнообразнее. Многообразие развитие колхозного производства предъявляет ей свои требования. Наряду с предельной механизацией полеводства она обязана внедрить машинную технику и во всех других отраслях хозяйства: садоводстве, виноградарстве. И вот пока еще серо, пока на колесных тракторах мелять работать в поле, их с успехом используют на стационаре, на фермах.

Комсомольцы, составляющие ядро тракторной бригады Сергея Чеботаря, по-прежнему трудолюбивы и к другим и к себе самим. Только начались полевые работы, а в обреченных перерыть уже вышел первый номер бригадного «Перца», остро критикующего парковые отходы и недочеты посевной.

Помощник бригады Федор Дамаскин, принципала Филы Николаев и свободные от смены трактористы — в витрине бригады вывески ищет глазами, нет ли там замечаний по его адресу.

Содержанием сагазеты замечан-

ные колхоза тесным полукольцом обступили витрину «Перца».

А тем временем бригады повара Ирины Дамаскина и Анулина Георгия раздали по вилкам и тарелкам дымящийся наваристый борщ, разложили ломки, нарежали белый хлеб, поставили сох, столовый перец и пригласили механизаторов обедать: «Ищите на зорьке, товарищи!»

Но как там все-таки встретится с секретарем района партии по зоне МТС в бригаду Чеботаря мы отсюда поехали? Тракторных бригад много. Выручила нас замесила Метя Станова. Она сказала, что, пойдя к машине, секретарь сказал шоферу: «Едем в «Прогресс», отправляйся туда и действительно застал там главу Григорьевича Ханюкова и главного агронома МТС Марию Григорьевну Марюкову.

В колхозе «Прогресс» кукуруза займет в этом году около шестистот гектаров. Объем работ по посеву и посадке ивадратно-гнездовым способом увеличивается против прошлого года почти вдвое. О том, как лучше организовать эту работу, и совмещаются с секретарем райкома партии по зоне МТС в тракторной бригаде Степана Павленко.

Ивадратно-гнездовая селка «СПГ-6» — машина, требующая в работе большой опыт, которую освоил Иченко, почти геометрической точности. Над этой селкой работает Филы Николаев вместе с бригадиром тракторной бригады Степаном Павленко еще и еще раз вывернет установу дисков на капланы выбрасывающие зерно.

На посадку ошей МТС нынешней весной впервые применят в колхозе «Прогресс» рассадоподходящую машину «СРН-4». Комсомольского молодежного звено Дуси Михневичевой заканчивает на стане «СРН-4» подготовку грядочных рядов. Земляных горшочков для рассад, которую будут высевать машинным способом.

Кипит работа в комсомольско-молодежном авне Дуси Михневичевой. Споры заготовка пререйной-земляных горшочков для рассады будут закончена.

Заводов очень интересуются и званием комсомольско-молодежных звеньев по выращиванию кукурузы. Таких звеньев в колхозе имени Молотова десять. Колхозу предстоит засеять этой культурой более тысячи гектаров, и звеном на себя обязательство вырастить высокой урожай, и звеном неуступно следят за работой механизаторов. Чтобы получить высокий урожай, все должно быть сделано отлично — не только самый посев, но и боронование, и в особенности междурядная обработка. Вместе с механизаторами звенье-

Яровых колосовых колхозу «Прогресс» предстоит. Этого году посеять значительно меньше прошлого года. Земля, прежде занавешившая яровой пшеницей, частично ячменем и овсом, отводится под кукурузу.

— Под все колосовые, — говорит агроном Иченко, — еще с осени заготовлена зноб. Вверху ее заборновали. Не сегодня-завтра ребята и с посевом устроятся. А всего два дня — до дня грозы, что-нибудь да значит быть в этом году славному урожаю!

СЕВЕРНАЯ СКАЗКА

Рассказ

Я снова попал в долину Топольного мяса. Пять лет назад мне довелось осваивать дельные места, которые были еще «облаком пятном» на географических картах. Наша маленькая геологическая партия приотлилась тогда в яранге старого охотника якута Софрона.

Как поживает теперь Софрон? Цела ли его яранга? Может быть, он покинул долину и переселился в леса Кандкута, поближе к испуганному зверю?

Стояла ранняя северная осень. Уже почернела в распадах трава, тайга пожелтела и пахла ушедшей хвоей лиственницы. Болотные кочки казались откопанными из старой брони. Оленья тропка вывела меня на таежную трассу. Не прошла я и полсотни шагов, как мимо промелькнул новенький грузовик, за ним серая легковая машина. Потом появился желтый автобус. Поблескивая красными от заката стеклами, он скрылся за поворотом. Я долго слышал, как шелкает галька, ударяясь о дно его кузова.

До прииска Топольный мяс оставалось десять километров. Трасса круто повернула к сопкам и вышла на берег ключа Туманного. Яранга Софрона стояла в Топольной роще, на берегу ключа. Я ускорила шаг; мне так хотелось увидеть ее хозяина! Но яранга на берегу не оказалась. На ее месте стоял бревенчатый домик. Возле него выстроились в ряд несколько грузовиков. Я поднялся на крыльцо и прислушался: домик гудел человеческими голосами. Я толкнул дверь и вошел в комнату.

За столом ужила человек восемь — судя по одежде, поферы, а на хозяйском месте сидел мой старый знакомый, Софрон. В стаканах и кружках пылали крепкий северный чай «сифир». Все обернулись. Софрон узнал меня сразу:

— Да это, однако, ты? Садись!

Пыжиковая берушная обгугивала худые черты Софрона. На ногах у него были оленьи торбазы, в руке дымилась трубка из березового корня.

Водители потеснились, освобождая мое место. За чем мы быстро переублажились, и беседа возобновилась. Разговор шел об охоте. Рассказывал, конечно, Софрон. У него был неисчерпаемый запас охотничьих историй.

После ужина водители легли спать. Из-за холода вошла дуга. Залитая ее светом, долина Топольного мяса, казалось, была услана крупной солью. Мы с Софроном сидели у стола, вспоминая прошлое и удивлялись тому, как быстро все здесь изменилось.

Я испугался, когда начали строить припис, — рассказывал старик. — Куда девать-

ся охотнику, если зверь уйдет? Но пришли хорошие люди, однако. На месте моей яранги построили авто-за-пра-вочную станцию. — Софрон с трудом заговорил непрерывным словом. — Я сейчас сторожеч здесь.

Старик подылся и поманил меня трубкой. Я осторожно последовал за ним. Мы перебрались из общей комнаты в боковую. Здесь над койкой висели на стене лисьи капканы и заячьи петли. Над тумбочкой в углу я заметил якуто-то грамоту в рамке карельской березы.

Софрон опустился на койку. Бывают минуты, когда молчание человека сильнее выдает его состояние, чем слова. По глазам, по растерянной улыбке, по трубке, дрожащей в руке, и понял: Софрон чем-то взволнован.

— Ты моего Янку поминишь? — спросил наконец старик, наклоняясь ко мне.

— Конечно. А где он?

— В Хабаровске четвертый год учится. Будет зоо-тех-ником... Все хотят стать зоотехниками, докторами, инженерами. А кто будет горностая ловить? Кто белку бить будет? Кому я свое ружье оставлю, скажи?

Софрон достал из угла ижевскую бескурковку, погладил ее воронеными стволы и продолжал:

— Финка и стрелять разучился в школе. Как он только жить будет? Как он без ружья жить будет, зоо-тех-ник?

Губы старого охотника скривились в горькой усмешке, бескурковка задрожала в руках.

— Умру я скоро... Мне знаешь, сколько лет?

— Лет восемьдесят, пожалуй?

— Ты верно сказал, восемьдесят. Я в тайге каждое дерево знаю. С каждой горой, как со старым другом, здороваюсь. В городе был в прошлом году, не поправился мне город. Людвей как миком! Совсем в городе заблудился, все шумят, а я тишину люблю...

— Зачем ты ездил в город?

Старик свил со стены рамку и подал мне. Я прочитал: «Почетная грамота. Лучшему охотнику Кандкутской тайги от Краевого исполнительного комитета».

— Я самый лучший охотник в нашей тай-

Рисунки М. Скобелева и А. Елисеева.

ге, — гордо сказал Софрон. — Кто заменит меня, когда умру? Финка стрелять разучился. Даже ружье передать некому, а ты говоришь...

И хотя я ничего не говорил, Софрон сердито покосился на меня, поставив бескурковку в угол и стал набивать свою трубку.

— Как я жил в старые времена, — заговорил он снова, — знаешь? За кружку спирта отдавал купцу хорошего соболя. А сколько соболей брал купец за ружье, даже не сосчитать! В молодости я пережил четыре великих голода. Последний голод случился в тот год, когда купцы исчезли из нашей тайги. Тогда умерли мой отец и мать. Мы ели коренья и зверюшку и кожу старых торбазов. У нас расплывалась животы и болели кости. Мы кочевали с места на место и не успевали хоронить умерших. По нашим следам шли волки и лезли вороны. Удача и счастье покинули нас. И вот, чтобы спасти наше племя от голода и смерти, старший охотник Когутей сказал: «Охотник! Я решил побывать розового горностая. Если это мне удастся, счастье вернется к нашему племени».

Мне было тогда за сорок, но я был глуп, как годовалый олененок. Много поймай я белых горностаяв, а розового не встрел... Ты съехал о горностая, у которого шкурка ярче пламени лесного костра?

Софрон опустил голову на грудь и закрыл глаза.

— Я слышал о розовом горностаях от отца, — немного погодя снова заговорил он. — Но сам я его не видел. Когутей ушел за горностаям зимней ночью, когда от мороза шуршит воздух. Знаешь?

— Знаю.

— Сильные морозы у нас еще называют шепотом звезд. Когда шепчутся звезды, трескается лед на реке, раскалываются стволы лиственничных враны замертво падают на землю. Знаешь?

— Знаю.

— Вот в такую ночь ушел Когутей. Он ходил по распадам и поднимался на сопки. Напрасно! Он забирался в глухие чащобы. Напрасно! Он лазил за Большой Кандкутой, был на реке Налезке, в непроходимых тындаллахских лесах. Напрасно! Торбазы его изорвались, запас сушеного мяса кончился, табак испулся. А как охотнику жить без табака, как искать зверя в сумках торбазов? Появил Когутей: не найти ему розового горностая. Появил Когутей: смерть пришла.

По закону предков, умирать надо сытым и добрым. А разве голодный может быть добрым? Разложив свой последний костер Когутей, изрезал торбазы на кусочки, сварил, съел

На Таймыре

Тундра ветром вылизана гладко.
Серебрится даль. Белым-бело.
Черные полярные палатки
До амушек снегом замело.

Жжет мороз, режт дымки туманно,
Горно рвется паводок ледной.
И глядит с вершин Пutorана,
Как дзорный, месяц молодой.

А когда метелам не ложится —
Что там байство уральских выюг! —
От одной тонны валетел бы птицы
И махнул куда-нибудь на юг.

Своей ты не ешь дух горный
По такой зиме не греет охоту.
Ну, а кто! Не вывершишь иначе
Пуля немоздандной Хеты!

Как возьмешься за большое дело,
Норва режт не разгадав,
Чтобы змало это отгорела
Кровь ее, забавился в проводах!

Занесен на дикх сюда оленя
Почталона,
Резной ветер дуп...
И с мороза к нам в палатку Ленин
Со стравя журчала заглянул.

И не кто! — в роде сдал мороз-от
От пучиных вывершился глаз.
Светится с истринкой: «Что, загвоздила!
А ведь я идилося на вяс».

Все ему знакомо в нашем деле.
Может быть, в семидеятном году
И в эту даль глаза его глядели,
Может, он и нас имел в виду.

И когда отчим
В солдатских ранах
Разлился в кзыи нязь и мнр,
Знал он, что с разведкой гидростанций
Мы придем сегодня на Таймыр.

Нет, никто не обронил ни слова,
Что дорго снегом замело;
Мы на лыжи становились снова
И шагали ввесе ветраи ноза.

А метель валпна на колени,
Обкинула щено добыча,
Но мента, что зарван в нас Ленин,
Поднялася и вперед вваса.

Тундра скатертью легла. Ни складки.
Серебрится даль. Белым-бело.
Нашн одиное палатки
До амушек снегом замело.

Проруби дымится, будто раны,
На хрустальном горле у Хеты.
Мало что седому Пutorану —
Хмурится сурово с высоты.

Не желай. Большой, хорошей жизни
Мы ждемь дочери твоей:
Пусть займется сплочиом огней
И послужит матери-Орчанке!

Ст. Томска,
Сибирского области.

1 Горы Пutorана — северная часть Средне-Сибирского плоскогорья.
2 Река Хета приток Хатанги. берет начало в горах Пutorана.

и усну. Идрут слышит: кто-то зовет его по имени: «Вставай, Когутей, вставай, однако!» Поднял голову Когутей между ластовидами: точно радуга поймает. Увидел Когутей птучу, каан-керезд называется... На ее крыльях, каждое перо сверкало по-своему. Одно перо, как спелая гурьбина, другое, как черная соболя, третье, как морюшка, болотная вода. Перевалился через каан-керезд и бурной шерстью медведя, и огненной шерстью лисы, и белой горностаевой шерстью. Зеленые ланы кедров, синие лепестки ежевики, красные лепестки богучкиаи отдали свои краски каан-керезд.

«Вставай, однако, Когутей, покосорей! Вырежь из тальникового корня дудку и сыграй на ней охотничью песню. Увидишь тогда, где скрывается горностаев. А когда увидишь, походи и лови. Но смотри, Когутей, горностаев посылает тебе все, что ты захочешь. Не полюбишь, Когутей, на его посулы. Помни: люди твоего племени ждуть тебя в обмеленных врангах. Голодные люди на голодной земле. Они уже съели всю кожу торбовов, все молодые побегн кедровника... Помни об этом, охотник...»

Софрон поднял голову и посмотрел на меня. Морщина его как будто расправлялась, тусклые глаза заглялись ясным, добрым светом. Старый охотник не заметил, как перешел от рассказа к своей жизни к сказке. Но, рассказывая, он вспоминал и свои мечты и мечты своего народа...

— Когда Когутей вскопал, птуча каан-керезд исчезла. В тайге сразу стало темно. Когутей нашел куст тальника, сделал дудку, сел на пень и заиграл лесную песню о счастьяиной охоте.

И как только заиграл, в тайгу пришла весна. В долинах замулели потоки, на голых камнях появились кукушкии мох, громко закричали птучи. В чащобе затрубили сохояи; медведь выбрался из берлоги. На ветвях зазеленели березовые ветви, зазвенели истринные крылья.

Когутей встал и, не отрывая от губ дудки, пошел по тайге. Березы раступились перед ним, горные потоки останавливали свой бег. И вот на высокой голый скале он увидел горностаев. Словно пламя лесного костра, словно утренния заря, шлала на скале розовый горностаев.

«Я пришел за тобой. Мой народ умирает от голода. Я добуду тебя — и удача вернется в наши вранги».

Горностаев ласково потерся о колени охотника.

«Ох трабрий Когутей! Ты стар и голоден. У тебя не хватит сил добраться до своего народа. Только молодой и сильный охотник придет через сопки, через тайгу и ущелья. Надо идти очень быстро, чтобы спасти народ от голодной смерти. Прежде стани молодым».

«Я не могу вернуть себе молодость», — сказал Когутей.

«Блажен направо. Что ты видишь вон на том камне?»

Когутей посмотрел направо. На сером камне швел синий цветок, и шел от него такой аромат, что закружилась голова у Когутей.

«Срви цветок, Когутей, и сташевь молодым, сильным охотником. Сорви, не бойся...»

Когутей, забыв предостережения птучи каан-керезд, сорвал синий цветок. И тогда раздался в тайге хохот, исчез горностаев, заморзала река, осыпались листья, пожелела трава, опять наступила зима. Не выполнил Когутей повеления каан-керезд и умер...

А люди нашего племени все ждали Когутей, погибав в своих промерзших врангах от великого мороза. И перемороза. И перемороза бы не влясок к нам новой охотник. На нем были оленьи торбаса, шапка из пыхьжика, и одет он был, как якут. Но это был русский охотник. Он пришел к нам и созвал на совет все племя. Взоросые, молодые, старики и дети мужнины и женнины пришли на этот совет.

Так сказал охотник: «Люди! Самые бедные охотники и самые бедные рыбаки, слушайте меня. Я пришел научить вас, как поймать розового медведя. Пусть придут якуты, якутские охотники, орочи, чучки, наивашы. Мы обложим тайгу красными флажками, мы возьмем горностаев в кольцо. Горностаев не уйти из кольца. Мы возьмем наше богатство и счастье своих рыбаков. Вот как мы поймем людей. Одному охотнику, как бы он ни был силен и ловок, горностаев не изловить».

На охоту за горностаев собрались якуты, якутские охотники, орочи, чучки, наивашы. Ввек пошел в тайгу русский охотник. Ввек шл к ним по лесным чащобам, по горным долинам, по вечным болотам, по глубоким снегам. И нашла горностаев. Окружили его огненными флажками.

Сказ горностаев великому охотнику:

«Не отдавай меня бедным людям. Зачем меня отдавать попусту? Я сделаю тебе самым сильным человеком в тайге. Хочешь?»

«Не хочу», — сказал охотник.
«Я сташевь самым умным из всех, живущих в тайге. Ты будешь самым богатым в тайге. Серебристых лисиц и бурых медведей, голубых псовов и черных собобей я дам тебе столько, сколько ты не сосчитаешь, однако, и дам тебе ои как много, оленшков и собак! Хочешь?»

«Не хочу!»
«Хочешь стать молодым и красным? Я верну тебе молодость. Я дам тебе славу. Быть владыке народа хочешь? Власть над лесными людьми хочешь?»

«Не хочу! Сила моя — в народе. Молодость моя — в народе. Богатство и силу твою, горностаев, мы вьзали сейчас. Больше не будет в тайге никакого голода, не будет бедных людей. Ни кулечи, ни тобои, ни шаман не станут рвать мясо из рук охотника, рыбу из сетей рыбака...»

Как сказал, так и сделал великий охотник. Софрон остановился и потрогал меня за плечо.

— Ты думаешь, я рассказывал тебе сказку? Я тебе рассказывал правду. Ты устал? Ты спишь охочей?

— Что ты, Софрон! Рассказывал дальше.

— Будем спать сейчас. Скажу тебе только еще одно слово. Знаешь, что говорят в тайге о великом русском охотнике? Кто он такой был, говорит? Ленин был, говорит. Правда это, скажи? С дней великого голода прошло много лет, люди, видевшие русского охотника, умерли. Они могли и ошибиться. Как, по-твоему, правда?

Он тряс меня за плечо и улыбался. Разве я мог сказать, что это сказка? Человеческая сказка — всегда человеческая правда. Софрон постукал трубой о нозоты большого палыя, вьвыл пена и подлился кроваты. Давай спать! Если поседает в горде, захвати для Якова новые торбаса, а их спиши дажно. Спроси у Якова: ружье ему, однако, надо? И пусть учится хорошо, скажи, зоот-ник...

Софрон лег на оленью шкуру и вскоре уснул. А я долго еще ворочался с боку на бок, прислушиваясь к глухим взырвам, раздавающимся в ночном воздухе.

Это вьвали шурфы на врынке Топольного мыса.

Анастасе Анастасу. «И у нас зажгется лампочка Ильича» (масло).

Александр ШЕСТАК

ПЕРЕМЕНИ В ДОЛИНЕ БИСТРИЦЫ

Зеленый убор Карпатских гор — неисчерпаемое богатство страны. Но в прежние времена это богатство использовалось хищнически: леса вырубались без расчета, оголялись целые массивы.

Жителям горных селений хорошо знакомы последствия варварского истребления лесов. Там, где были вырублены леса, во время таяния снегов по оголенным склонам стремительно неслись мутные потоки воды. Это опасное половецкое сметало все на своем пути, убивало валунами скот, сывало посевы.

На десятках километров леса вдоль Бистрицы принадлежали королю, или, как говорят здесь, «короне». И где-то в таком трудном не зарабатывали себе лесорубы на мамалыгу, как в королевском лесу.

Вот почему Мафрей Морару часто задумывался над судьбой своих сыновей: нельзя ли как-нибудь избавиться их от каторжного труда лесорубов, королевских и помещичьих батраков? Да и жить вшестером в маленьком домике становилось невозможно: в постройку новой нечего было и думать. За своего жина Мафрей Морару

срубил леса, может быть, на тысячу домов, но ему не по карману было купить и бревно, чтобы сменить подгнившую балку.

После долгих советов с женой и старшим сыновьям Морару решил отправить двух младших — Константина и Кристо — на поиски заработка.

Вместе с другими такими же личинки в своем селе мужичинам и подростками братья сели в поезд и поехали искать лучшей доли.

Это было в 1946 году. После освобождения страны Советской Армией многое изменилось в Румынии. Но новая жизнь налаживалась не сразу, с большим трудом находила она дорогу в глухие горные селения. Стране переживала тяжелые последствия войны и господства помещиков и капиталистов. А тут еще ударила страшная засуха. Кулаки припрятавали хлеб, надеясь нажиться на народном горе. Только щедрая продовольственная помощь Советского Союза спасла тысячи людей от голодной смерти.

Не так-то легко было в те времена найти заработок. Много го-

родов и сел извелили братья Морару — и все безрезультатно.

Как-то поздней осенью братья заночевали в пути. Они поддели к чужому костру, который развели на обочине дороги: такие же безработные странники.

Но костер вскоре погас, немцем было поддерживать огонь. Кристо не нашел поблизости ни одного куста, ни одного деревца, — вокруг расстилалась безлесная степь. Чем больше оскудевал костер и темнели его последние угли, тем становилось холоднее. Остаток ночи братья провели под случайной телегой. Константину в ту ночь продрогло и простудился. Пришлось ему вернуться домой. Кристо отдал брату на дорогу последние леи, а сам нарядился к кулаку ходить за скотом.

Кристо редко писал письма домой: был он не очень грамотен, да и о чем писать? «Слава Богу, жив-здоров, каждый день ем мамалыгу», — сообщал он, и дома были рады за него. Такие же короткие послания получал Кристо из дому. Ничто не менялось в родном крае: так же сменяли друг друга неприступные горы и среди них самая большая — Чахлуз; так же шумела и пеннела, перекатывая камни, неугомонная Бистрица.

Младший и работящий Кристо понравился хозяину. Круглый год батрак не разлучался с хозяйскими коровами и овцами; казалось, кроме них, ничего не замячал, не видел, что делается на селе.

А в селе совершались перемены, которые были не совсем по душе хозяину Кристо. Иногда хозяин приходил на конюшню и,

Четыре сына у старого лесоруба Мафрея Морару. Четыре молодца, как на подбор: Петру — высокий и стройный; Йон — хоть и низок ростом, но силен и ловок; Константин — смилышлый и дотошный; а самый младший, Кристо, прослыл неутомимым пастухом. Он исходил все тропки в горах и ущельях, знал окрестности, как свой дом, как клочок своей земли.

Можно было бы позавидовать Мафрею Морару, его дружной семье, если бы не такая теснота и темнота бы его домика в Буказе, если бы Кристо пас не чужие овцы, а своих, если бы не приходилось сыновьям и ему самому зимой и летом надирать уши за нищенскую плату на тяжелой работе. Вечно он был в долгу у сельского богатого, помещика, вечно нужно было платить налоги королю.

Долина Бистрицы — северный горный район Румынии — богата чудесными лесами. От подножий до самых горных вершин бушует зеленое море.

В долинах раскинулись необозримые дубравы. Сolidному дубу не пристало карабкаться по горам. И если мы поднимемся на шестьдесят метров вверх, то увидим, что дуб уступил место буку, грабу, клену, липе. Поднимемся еще выше — спутников бука уже не хватало дышать. Бука здесь — безраздельный хозяин. Сомкнувшись между деревьев столь густо, что под ними не растет даже трава. Но чистые буквые леса не достигают горных вершин. На высоте полугора километров склонами гор заволадевают ель, липа, сосна.

проверил, хорошо ли батрак устроился по хозяйству, начинал извешать перед ним свои обиды. — Беднота, гольбава верховодят на селе,— жаловался он.— Теперь их власть. Слева забрали землю и все хозяйство у помещика, теперь к крепким хозяевам подбираются, пропакуют тех, мол, нажились они во время голода. А кто их заставлял работать на моем поле за черчи!— кричал хозяин.— Кто заставлял отдавать последнюю лошадь за полмешка кукурузной муки! Все равно ведь она подошла бы от баскорки! А теперь, видишь ты, хотят обратно забрать...

И хозяин грозил кому-то страшнорой карой.

Кристья молчал, и хозяин расценивал это как знак полного согласия. Но слова хозяина прозвучали на батрака совсем неслышанно. Когда однажды один из тех парней, о которых хозяин не мог говорить без злости, предложил Кристие прийти на собрание в школу, тот с радостью согласился.

Это было собрание сельской организации Союза трудящейся молодежи.

Молодой рабочий парень специально приехал на это собрание из Бузарета. Он рассказывал о новой жизни, которая открылась перед молодежью Румунии при народной власти, о том, как надо строить эту жизнь и защищать ее от кулаков, бывших помещиков, от английских и американских шпионов и диверсантов.

Впервые Кристья оказался рядом с городским парнем.

— Ты не дешиный!— спросил

тот.— Я тут часто бываю, а тебя вижу впервые.

Кристья рассказал о себе.

— Охота тебе гнуть спину на мифреда! Иди на завод, на строительство.

— Я ничего не умею делать.

— Научат! Получишь специальность. Приходи хоть на нашу стройку...

На следующий день Кристья собрал котомку, погуле в Бузарет в утокло своего не умею делать.

— Научат! Получишь специальность. Приходи хоть на нашу стройку... И он отправился в Бузарет, повторяя про себя, чтобы не забыть адрес, которого назвал вчера новый знакомый.

С тех пор почтальон стал чаще заходить в старый домик на окраине села Биказ. Письма от Кристии стали более подробными. Он сообщал, что работает штукатуром и строит очень хорошие дома для рабочих, что сам он живет в чистом и красивом общежитии, обедает в столовой, а по вечерам учится в школе.

В ответ Кристья также получал обстоятельные письма. Брат Константинос сообщал, что уже совсем выдворили, горный воздух пошел ему на пользу. За зиму он школой поучился в вечерней школе при лесопильном заводе.

Да это и видно: раньше Константинос, всего один зму ходивший в школу, ни за что не написал бы письма так чисто.

В семье Марфета Морару радовались за самого младшего сына, которому удалось так хорошо устроиться: Кристья теперь не будет скитаться по всей стране в погоне за куском мамалыги.

Впрочем, в родном селе, писал Константинос, тоже происходят не-

которые перемены к лучшему. Страна расплодилось заводов. Чтобы удобнее было сплавлять лес, взрывают скалы там, где они сильно теснят Бистриу, делают заграды. В Зурнеас сооружаются огромная плотина, которую содрат сплавля. Сплавляющим станет легче работать. У лесозавода начали строить дома,— говорит, для рабочих. Правда, в это пока никто не верит, потому что дома уже очень красивые,— раньше у директора и то дома были похуже.

Но с особым восхищением Константинос описывал электрические и механические mills, трелевочные тракторы, появляющиеся на лесоразработках. Судя по письму Константина, теперь, чтобы быть лесоробом, совсем не обязательно неделями жить в лесу, в дымных шалашах и спать в палатках вокруг тлеющего костра. В горных лесосеках построены теплые бараки, надобные тех, которые раньше строились лишь для иностранных туристов, но обязательным наделять силой, не расставаясь день-денской с ручной пилой и топором. Существует такая советская электрическая пила, с помощью которой даже женщины смогут сделать самую могучее дерево, надо только знать эту пилу. А еще хорошо быть трактористом: можно за один раз увезти столько бревен, что на быках не перетаскаешь и за день.

Было над чем Кристья задуматься, читая и переписывая письма из дому... В самых сокровенных своих мечтах он давно уже видел себя в роли машиниста. Но вот вопрос: примет ли его, такого малоразоганного, на курсы шоферов, которые открылись на строительстве? А если примет, сумеет ли он осваивать машинной? Кристья записал на курсы. Он и обрадовался и встревожился, когда его предупредили, что будет очень трудно: срок короткий, а грамоты у него не хватает. Кристья не обманывался: было действительно очень трудно. В самой глухой лесной чаще он не чувствовал себя таким одиноким и беззащитным, как иногда на уроке. Часто он стоял перед классом глубокой доской, как перед глухой, темной стеной, которая встала на его пути. Бывало до слез обидно, когда городские парни—они были грамотнее и с детства имели дело с машинками—быстро постигали все «секреты» автомобильного мотора, а он не мог связано обобщить, как движутся поршни в цилиндре. На практических занятиях всегда шел лучше: помогала природная смеливость, и он поверил, что все же будет шофером. Правда, на всякий случай пока об этом ничего домой не писал.

А от Константиноса приходили все более удивительные письма. Он сообщал, что в Биказе появились какие-то инженеры и техники. Они измеряли во многих местах, как глубока и широка Бистрица, карабкались с треножниками на окрестные горы, спускались в ущелья и расспрашивали стариков, когда и как разливается река. В одном из писем говорилось, что вокруг их дома происходят такие перемены, что всего и описать нельзя. Брат советовал Кристие поскорее вернуться домой—теперь и в Биказе работы хватает, а если он не придет бы-

стро, то потом уже не узнает свое село.

Но у Кристии представление о работе «дома» попрежнему прочно связывалось с тяжелым трудом лесороба или с беспрестанной погоней за хлебом. «Лябне там, могут быть перемены!»—думая Кристья.— Не потечет Бистрица вспять, никто не сдвинет с места Чахуза.

Однажды в клубе читали лекцию. Повторялось это на стене карты Румунийской Народной Республики. Широкой голубой лентой из одного угла карты в другой протянулся Дунай. Наверху серпообразно изогнулся берег Карпатская горная цепь. Там, в Карпатских горах, которые по праву называются станом хребтом румунийской земли, бурно начало бурные реки страны. Лектор старался показать, как таят в себе огромную энергию, которую можно поставить на службу человеку. Ученые подсчитали запасы водной энергии страны: свыше семи миллионов лошадиных сил. Более трети с половиной процента водной энергии использовалось в старой Румунии, занимавшей одно из последних мест в Европе по электрификации. Зато лектор старался рассказать о десятилетнем плане электрификации Румунии.

Кристья Морару затли дьякание: лектор называл места, знакомые с детства,—река Бистрица, Биказ, Стенуца.

— И вот теперь,—говорил лектор,—река Бистрица наконец будет укрошена и поставлена на службу народному хозяйству. Попадает отсюда вода в Бистрицкий стан электрикостанции. Народ дал ей имя великого Ленина. Электростанция снабдит дешевой энергией молодую промышленность Молдовы, облегчит труд сотен тысяч людей, даст им и лучшую жизнь целой области.

Он многое еще говорил о Биказе и о развурившей там стройке, и Кристья стало понятно, о каких переменных вписывал в родное село, почему так настойчиво звали его домой.

Вернувшись в тот вечер в общежитие, Кристья Морару долго не мог уснуть. Его неудержимо потянуло в родной Биказ.

Хорошо, что с учебной дело шло к концу,—оставалось лишь сдать экзамен. Но вот он, долгожданное торжество: молодым шоферам торжественно вручили удостоверения об окончании курсов. И в ту же ночь койка Кристии Морару в общежитии опустела.

Поезд пришел в Биказ утром. Весело переключились из вагонов высшие парни и девушки в форме учеников ремесленных училищ. Это приехали на практику молодые строители. Из соседнего вагона вышла целая плотничья артель, со своими инструментами.

Кристья подождал, пока сплывет этот поток приехавших на стройку: ему хотелось идти одному.

Вот наконец он в родных местах. Как легко дышится! Воздух так чистый и прозрачный, как ион бывает только в горах. Пологие склоны Тарку, зеленые летом, сейчас были покрыты золотисто-баргными покрывалами. Величественно вихляла белая известковой коронки, которую приежиче часто принимают за снеговую вершину.

Село разстлужо вдоль Бистрицы. В том месте, где Бистрица впадает во бурный и стремитель-

Скульптура Лении Зауф «Обузадем Бистриу».

ный приток Биказ, сгрудились с полсотни домиков побогаче, а вниз и вверх по течению Бистрицы разбрелись уютные глинобитные жилища. Там, невдалека за холмом, стоит на отшибе и жилища старого Мафтея, надо лишь пройти садом и обогнуть гору.

Здесь Кристиа был знаком каждому изловчан, как и придорожный камень. Но не успев Кристиа отойти от вокзала, а уже убедился, что родное село стало совсем иным.

Иза-за утеса выглядела верхушка заводской трубы; то здесь, то там, а уходя в расщелины, мастерские, склады, общежития. Всюду царил дробящая суета.

По мере того как Кристиа шел вперед, в долине нарастала гул. Трудно сказать точно, из чего складывался этот гул — из грохота камнедробилки, позвякивания вагонных буферов, пронзительного свиста паровоза «кукушки», шума экскаваторов, машин, перфораторов, тракторов, — но в этом гуле звучал тот бодрый трудовой ритм, к которому уже так привык Кристиа в городе. Чуткое ухо это разнесло этот гул далеко по ущельям.

Кристиа вышел на пригород, с которого открывался вид на широкую долину, и остановился, ошеломленный: Бистрица, казавшаяся неукротимой, изменила свое русло; старое русло перетекало по металлическим шпалам, на обнажившемся каменистом дне экскаваторы расчленили место для основания плотины. Кристиа слышал, что эта плотина поднимется почти до самых вершин острейших гор.

Насмотревшись вдоволь на разворачившуюся стройку, Кристиа обошел гору, миновав знакомый поворот дороги. Он все больше ускорял шаг, торопясь к родному дому, который все время жила в его воображении... Еще несколько десятков шагов. Скорее, скорее!

Но где же их домик, старый домик, окруженный крохотным огородом и сиромышными деревьями! На том месте, где он стоял, тянулись длинные амбары, повидимому, склады, отгороженные изгородью. Очевидно, родные переселились совсем недавно, по-тому Кристиа об этом ничего не писал.

Где же теперь искать своих? Возможно, Кристиа долго искал бы родных, если бы не встретил ему бывшая соседка Стратину. Она сообщила, что дом Мафтея Морару и ее собственный дом стоят в новом поселке. Только вот жаль, что теперь их дом стоит не рядом, а в разных концах улицы.

Однковые постройки нового поселка еще не были обжиты. Не из всех труб поднимались дымки, не на всех окнах висели занавески, не все свежестроенные ступеньки крыльчелк вывелили от следов. Часть домов ожидала жильцов — тех, кто должен был переселен со дня будущего озера.

Соседка Тинка Стратину сказала, что им, жильцам нового поселка, завидовал весь Биказ. Вместо дымных, темных и тесных жилищ лесорубы, плотовщики, пастухи бесплатно получили от государства добротные, светлые, благоустроенные жилища с деревянными полами, с электричеством, водопроводными колонками.

Дом Кристиа застал лишь мать. Старая Рада долго не могла наладиться на возмужавшего, поглядывая одетого сына. Вечером один за другим стали возвращаться с работы братья и отец Кристиа. До поздней ночи в домике Мафтея Морару горел свет. За столом шел оживленный разговор. Константин рассказывал о прокладке шоссе на дороге, где он работал; Петру гордились своей специальностью подричника. И братья и отец испуганно поглядывали на Кристиа; что он облюбовал для себя, на что оказался способным? Но Кристиа нахмурено поламывал, не торопился делиться своей новостью. Заметив на себе тревожные взгляды затевого, он не удержался: достал бумажки и вынул оттуда новенькое удостоверение шофера.

Сперва это удостоверение пришлось изучать отцу, затем Константину. Оно долго перелопачивали из рук в руки, и все рассматривали его с восхищением и гордостью, одобрительно хлопая Кристиа по плечу.

...

В долине Бистрицы мне довелось побывать ранней осенью. Случилось так, что мы добрылись до Биказа не со стороны Молдавской равнины, где есть хорошая автомобильная дорога, а как бы с тыла, со стороны гор.

Пытаясь по извилистым дорогам, наша машина то оказывалась под углом равнины, то взгляд затевывался между утесами. Наш шофер вынужден был вести машину на самой малой скорости. Примерно на полпути нас догнала полуплутка, груженная баллонами с кислородом. Шоферу полуплутки наша скорость передвижения была явно не по душе, он обогнал нас.

Все мы, в том числе и наш видевший виды шофер, удивились, с какой виртуозностью водить вел машину по извилистой, узкой дороге. Времени казалось, что полуплутка двумя колесами висит над пропастью. Сидевший за рулем молодой парень в замасленной куртке, казался, даже не глядя на дорогу. Его машина словно сама шла, осторожно обходя опасные места, делая прыжки повороты и целое множество маневров за каменистую почву там, где машину могло занести за край узкой дороги.

За день мы побывали на многих участках стройки. Вечером в управлении строительства нам рассказали о жителях Биказа, о том, как еще совсем недавно отставле, неграмотные люди теперь овладевают сложными машинами, ставятся строителями новой жизни.

Рассказали нам и о молодом пастухе, сыне лесоруба, который в поисках хорошей жизни извездил всю страну и нашел ее, эту хорошую жизнь, вернувшись в родной Биказ.

— Да вот и он, — сказал наш собеседник, взглянув в распахнутое окно. — Эй, Кристиа, ну как зашел!

Перед нами стоял уже знакомый нам шофер полуплутки. Мы сразу узнали его по белозубой улыбке на смуглом лице, по непокорному чубу, свисавшему на широкий лоб.

Это и был Кристиа Морару, стрелителю новой Фумчины.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Рышард Данецкий родился и вырос в рабочем районе древнего польского города Познани. В 1945 году, когда Советская Армия освобождала Познань, Рышарду было всего пятнадцать лет. Многие его сверстники взялись за оружие, чтобы сразиться плечом к плечу с советскими войсками. Рышард тоже вступил в отряд гражданской милиции. Он был самым юным во время штурма познанской цитадели.

Вспоминая свое боевое крещение, студент-дипломник Московского литературного института Рышард Данецкий говорит: — Десять лет назад советские солдаты, спасшие нашу родину от фашистского рабства, дали нам, познанцам, оружие, чтобы мы смогли участвовать в освобождении своего города. А теперь нас, польских студентов, советские ученые в своих вузах вооружают знаниями, которые мы сможем применить на благо всех городов и деревень народной Польши. Наши сердца полны благодарности.

На с ними и сверху: польские юноши и девушки — студенты московских вузов (слева направо): Алиция Кюдо, Рышард Данецкий, Веслава Бартевич, Хенрик Михалик и Альбин Шишка.

Фото О. Кнорринга.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

В Советский Союз не раз приезжали многочисленные спортивные делегации Китайской Народной Республики. Водейбисты, баскетболисты, легкоатлеты Китая принимали участие в товарищеских состязаниях и совместных с советскими спортсменами тренировках. Они посетили Ленинград, Минск, Киев, Томск, где их выступления вызвали огромный интерес.

Встречи с советскими мастерами дали китайским спортсменам много полезного. Значительно улучшили свои результаты легкоатлеты. Они с вариацией успеха выступили в соревнованиях на первенство СССР. В товарищеской борьбе с советскими спортсменами были установлены новые рекорды Китайской Народной Республики в метании копья и в беге на 3 тысячи и 5 тысяч метров.

На с ними и же: чемпионы Олимпийских игр и Европы Галина Зибина помогает китайской спортсменке Лю Юань совершенствовать технику толкания ядра.

Фото Н. Волкова.

Проект здания Магитогорского горнометаллургического института. Авторы проекта П. Броннинов, П. Кузнецов, Е. Будник.

НОВЫЕ ДВОРЦЫ НАУКИ

Перед нами географическая карта Советского Союза, исследованная альпийскими флорам. Ими обозначены города, где в ближайшие два-три года вырастут новые замечательные дворцы науки. Москва и Сталинабад, Харьков и Бакумау, Магитогорск и Орджоникидзе, Караганда и Таганрог, Фрунзе и Миускирин. В этих и во многих других городах строится более ста зданий для высших учебных заведений.

В годы войны фашистские захватчики превратили в руины здания Харьковского университета, имени А. М. Горького. Его факультеты находятся сейчас в двадцати различных помещениях. Но придет немного времени — и старейшее высшее учебное заведение, которое ответило недавно свое 150-летие, разместится в величественном дворце, сооруженном по проекту архитектора В. Костенко и И. Еринова.

Новое здание университета, объем которого составит 320 тысяч кубических метров, строится на площади имени Дзержинского, одной из самых красивых в Харькове, и будет крупнейшим в городе.

В просторных и светлых помещениях зала разместятся 5 тысяч студентов. Для них будут оборудованы прекрасные аудитории, лаборатории, спортивные залы. Для занятий в помещениях будет оборудована библиотека в университетской библиотеке отводится площадь в несколько сот квадратных метров. Часть здания займет благоустроенное студенческое общежитие.

На правом берегу реки Урал, где создаются новые кварталы Магитогорска, разнерулось строительство горнометаллургического ин-

ститута по проекту архитекторов П. Броннинова, П. Кузнецова и Е. Будника. В светлых, просторных корпусах института будут заниматься около 3 тысяч будущих специалистов по добыче руды, выплавке чугуна и стали, по сооружению предприятий металлургической промышленности.

В центре уральских ценных земель — городе Барнауле — вырастет красивое здание Алтайского сельскохозяйственного института. В новом учебном корпусе этого института, возводимого по проекту архитектора М. Воронцова, будет создана для факультета агрономический и механики сельского хозяйства. Практические занятия студентов будут проходить в специальных машинно-сельскохозяйственных машинах, тракторах и автомоби-

лей общей площадью в 850 квадратных метров.

После ввода новостройки в эксплуатацию этот вуз сможет подготавливать для социалистического земледелия и животноводства вдвое больше специалистов, чем теперь.

Над проектами новых институтов зданий трудятся немало молодых архитекторов.

Сравнительно недавно, четвертое октября высшего учебного заведения. За это время уже сложилась работа над проектами образовательного института имени М. В. Ломоносова и лабораторного корпуса Ленинградского электротехнического института.

Федорова вместе с архитектором П. Кузнецовым разработала проект здания Грозненского нефтяного института. Здесь, кроме обычных аудиторий, запроектированы также большие двухэтажные залы, вмещающие на 225 человек кадры, по помещениям для географического музея и музея нефтяного оборудования. Молодой архитектор самостоятельно создала проекты обмотки для 1200 стальных и инлого дама для профессоров и преподавателей. Она спроектировала также свлязные прорентирование и освещение для географического музея и музея нефтяного оборудования. Молодой архитектор самостоятельно разработала проект нового здания Таганрогского радиотехнического института. Участвует молодой архитектор Виктор Белодворский, консультант инженерно-гражданского воздушного флота в Киевском политехническом институте.

Родился новый дворчик на Южном Урале. Это свидетельствует о том, какую огромную роль играют в строительстве Коммунистическая партия и Советские правительственные органы в развитии коммунизма.

Д. ГОЛДИН

Воздушная

«скорая помощь»

На столе дежурной бортсестры звонил телефон. — Пешла станция санитарной авиации слушает! — ответила девушка. — Шемшевой! — говорил, раздался в трубку взволнованный голос. — Вызываем хирурга...

Через пятьдесят минут с аэродрома поднялся самолет санитарной авиации, пилотируемый летчиком Петром Филатовым. Резкий порывистый ветер кружил вокруг самолета, принимала самолет и земле. Борт-хирург Михаил Елаев, занявший место в кабине, с трудом различал проплывающие ввиду теньки для маяков лесов, потонувшие в сугробах деревни.

Наполец показалась Шемшевой — центр одной из отдаленных районов области. Зорный глаз летчица отыскала в тумане лесов, окружающих село, поляну, пригодную для посадки. Самолет, сделав в воздухе несколько кругов, легло носом к земле и остановился. Захватив санитарию, хирурга и инструменты, Михаил Елаев выбрался на берег. Вокруг самолета выжидали санитары. Врач районной больницы вызвал хирурга о случаем.

Хозяйка А. Панькова осталась в кабине и увидевшая травма угрожала жизни ребенка. Самолетную больницу с сильными кровоизлияниями доставили в районскую больницу. Там врачам и медсестрам в помощь вышлетел опытный хирург.

Операцию Михаил Елаев провел успешно. Жизнь хозяйки была спасена. Вскоре самолет вылетел в обратный рейс.

Но по возвращении на станцию борт-хирурга Михаила Елаева не удалось отдохнуть. Едва он вышел из самолета на аэродром в Пензе, как к нему подбежала борт-сестра:

— Еще один вызов. В поселке Инюльском случай периферитной явы. Врач знал, как важна сейчас каждая минута. Мгновенное проведение может стоить жизни больному. Отдав короткое распоряжение, хирург немедленно стал готовиться к новому вылету.

В этот раз погода благоприятствовала полету. Ветер стих, вышло солнце. Самолет удачно совершил посадку, через несколько минут хирург уже оперировал больного — мастера столярного дела А. Венедиктова. После операции хирург слезл с самолета уже в первом часу.

Так прошел трудовой день борт-хирурга Михаила Елаева. На территории одной области станции санитарной авиации работают врачи различных специальностей: хирург С. Шуманов и В. Лепельский, врач-детский невропатолог Г. Милюшин и многие другие.

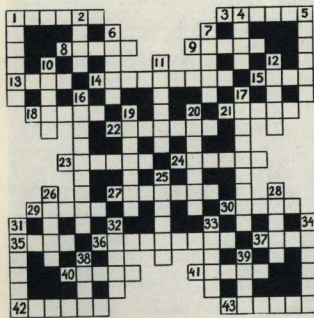
Только в прошлом году медицинские работники этой станции совершили 1100 вылетов в районы области.

Днем и ночью, в любую погоду в воздух поднимаются самолеты с «скорой помощью».

А. ОСИПОВ

КРОССВОРД

Составил И. К о р о л е в (дер. Студенки, Источниковского района, Могилевской области).

По вертикали:

1. Сельскохозяйственный элемент.
2. Птица.
3. Железнодорожный состав для массовых перевозок.
4. Большая болотная птица.
5. Бухта в море Латвии.
6. Полуостров в виде узкого полого отмыли.
7. Общепринятое значение, влияние.
8. Столица государства в Азии.
9. Девушка.
10. Вид музыкального инструмента.
11. Орган антилопы.
12. Герой романа Г. Николаевой «Матвэ».
13. Власия И. А. Крылова.
14. Офицерское звание.
15. Сила оружия и военного снаряжения.
16. Один из жанров художественной литературы.
17. Рыболовная сеть.
18. Тонкая черта.
19. Измерительный инструмент.
20. Русский исследователь.
21. Печальная земля.
22. Машинно-ручная ирригационная деталь.
23. Место для стоянки судов.

По горизонтали:

1. Песня композитора А. Новикова.
2. Железнодорожный состав для массовых перевозок.
3. Большая болотная птица.
4. Бухта в море Латвии.
5. Полуостров в виде узкого полого отмыли.
6. Общепринятое значение, влияние.
7. Столица государства в Азии.
8. Девушка.
9. Вид музыкального инструмента.
10. Орган антилопы.
11. Герой романа Г. Николаевой «Матвэ».
12. Власия И. А. Крылова.
13. Офицерское звание.
14. Сила оружия и военного снаряжения.
15. Один из жанров художественной литературы.
16. Рыболовная сеть.
17. Тонкая черта.
18. Измерительный инструмент.
19. Русский исследователь.
20. Печальная земля.
21. Машинно-ручная ирригационная деталь.
22. Место для стоянки судов.

Главный редактор М. А. Вейлячко.

Оформление номера Б. Юрина и Н. Коненковой.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-334-24.

Изд. № 353.

Знак 877.

А 02402. Подписано к печати 21/IV 1955 г.

Формат бумаги 70 × 108/16.

Тираж 250 000 экз.

1,75 руб. л. — 4,8 пец. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Комсомольское слово

Слова Якова ШВЕДОВА.

Музыка Владимира ШАННКОГО.

Теперь пришла
У нас так весело и весело в дни эти, да в трудные
дни, когда слово дадут комсомольцы, то выполнят о них
Комсо-
Привет
ЛЮБЬ, СЛОВА
ТОЧНО КЛЯТЫ, ВА, СУ, РО, ВОЛ
Кляты нет окаяной,
СЛОВА НЕТ ВЕРНОЙ
КОМСО, МОЛЬ СЛОВО СЛОВО
Кляты нет окаяной,
СЛОВА НЕТ ВЕРНОЙ
КОМ, СО, МОЛЬ СЛОВО СЛОВО ВА!
Для оптимистов
СЛОВА НЕТ ВЕРНОЙ,
КОМ, СО, МОЛЬ СЛОВО СЛОВО ВА!

У нас так весело и весело
В дни мира и в трудные дни:
Когда слово дадут комсомольцы,
Его выполнят они.

Привет: Комсомольское слово,
Точно кляты, сурово!
Кляты нет сильней,
Слова нет верней
Комсомольского слова!

Там было на Дальнем Востоке,
В тайгу комсомольцы пришли,—
Свой солнечный город до зноя
Над хмурой рекой возвели.

Привет.

Они вдохновило героев
Великой Советской страны,
Гастелло, Матросов и Зоя
Всегда были слову верны.

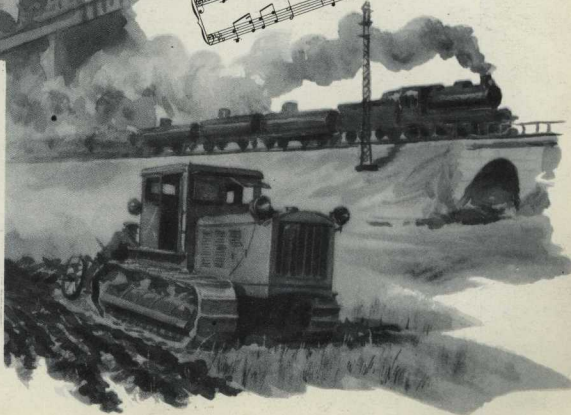
Привет.

Дано нынче партии нашей
Задание нам, молодым,
Мы земля целинные вспашем,
Сады молодые взрастим!

Привет.

В любых испытаниях снова
Мы с честью преграды пройдем,
И в том комсомольское слово
Мы партии нашей даем!

Привет.

Цена
номера
2 руб.

